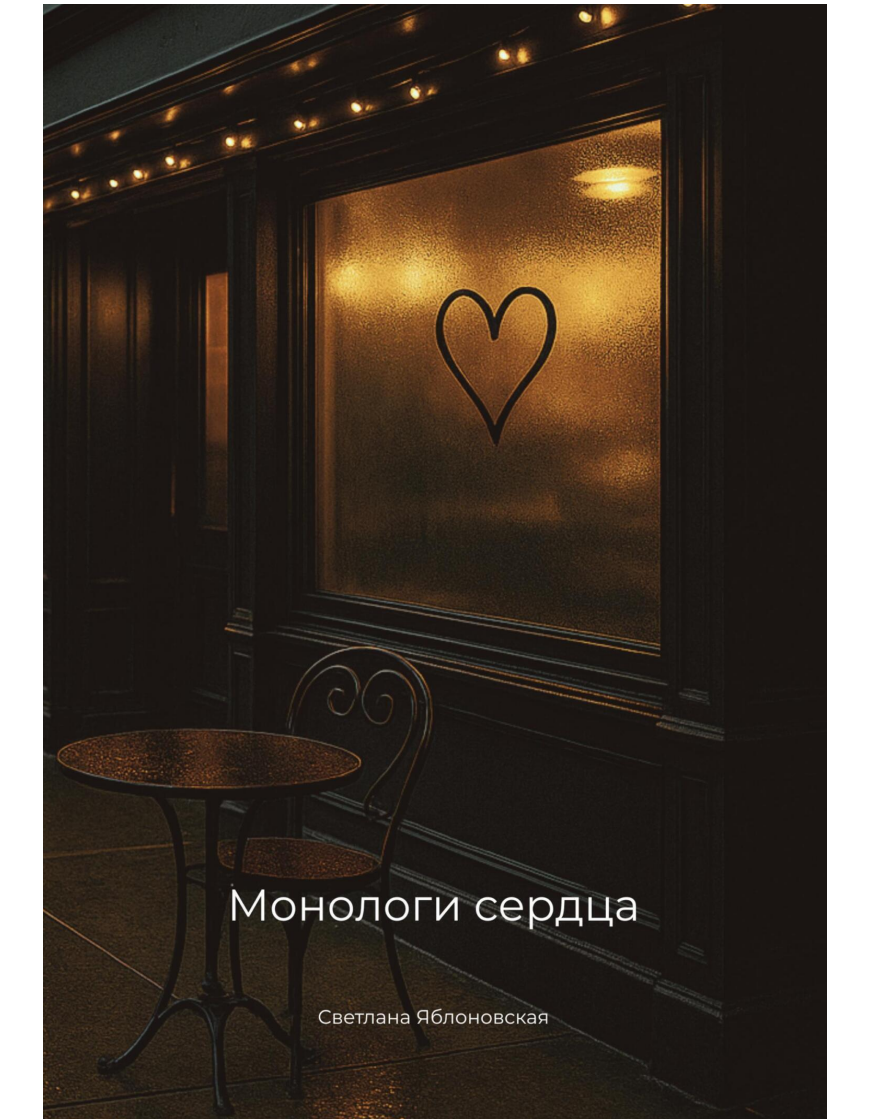

Монологи сердца

Светлана Яблоновская

Светлана Яблоновская

Монологи сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72035395

SelfPub; 2025

Аннотация

«Монологи сердца» – это собрание четырёх проникновенных историй о жизни, любви, утрате и поисках себя, которые затрагивают каждого, независимо от пола и возраста. В этих прозорливых повествованиях звучат голоса тех, кто сталкивается с болью, радостью и надеждой, кто стремится вновь обрести тепло и свет в душе.

Светлана Яблоновская ведёт читателя через тонкие переживания и внутренние метания героев – от юности до зрелости, от отчаяния до обновления. Этот сборник – приглашение услышать тихий голос сердца, понять важность маленьких шагов и поверить, что жизнь всегда может заиграть новыми красками, несмотря на испытания.

«Монологи сердца» – о том, что истинные чувства не знают времени и обстоятельств. Это истории, которые шепчут о силе внутреннего света и о том, что любовь и надежда живут в каждом из нас.

Содержание

Предисловие к сборнику	6
КНИГА ПЕРВАЯ	7
Вступление к книге «Вечеринка для старых костей»	8
Предисловие	9
Глава 1. Горечь потери	11
Глава 2: Первый шаг	21
3 глава. Особенный день	35
4 глава. Карты на стол	43
5 глава. Истина с блёстками	55
6 глава. Стыд и трепет	68
7 глава. Важное событие	81
8 глава. Аккорд	90
9 глава. Между дождём и звонком	101
10 Глава. Без аплодисментов	111
11 глава. Репетиция счастья	116
12 глава. Пудра. Блеск. Музыка	127
13 глава. Вторая молодость	136
14 глава. Возвращение без возврата	149
Эпилог	158
Заключение	160
КНИГА ВТОРАЯ	161
Вступление к книге «Лавандовый танец»	162

Предисловие	163
2 глава. Первая встреча	174
3 глава. Пойдём на свидание?	181
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Светлана Яблоновская

Монологи сердца

Посвящаю этот сборник моим любимым дедушке и бабушке —
Алексею Константиновичу и Любови Ильиничне Носовым
—
чьё тепло и душевная глубина живут в каждой моей строчке.

Предисловие к сборнику

Дорогой читатель,

Перед тобой – не просто страницы, а четыре монолога сердца. Они рождались в тишине – в минуты нежности и боли, в утренних озарениях и вечерней тоске. Это письма, отправленные в вечность.

Я не знаю, с какого ты начнёшь. Может, с того, что заставит улыбнуться. А может – с того, что разобьёт сердце. Но я верю: в каждом ты узнаешь себя.

Это книги о любви – странной, неловкой, забытой, но настоящей. О тех, кто ищет себя – в старости и юности, в уходе и возвращении, в прощании и страхе. О чувствах, знакомых каждому, вне зависимости от возраста, пола или жизненного опыта.

Они не кричат. Они говорят шёпотом. И если ты услышишь – значит, ты тоже говоришь языком сердца.

С любовью,

Светлана Яблоновская

КНИГА ПЕРВАЯ ВЕЧЕРИНКА ДЛЯ СТАРЫХ КОСТЕЙ

Вступление к книге «Вечеринка для старых костей»

Эта история – о тех, кого мы так часто не замечаем, о бабушках, оставшихся в тени, о жизни, которую привыкли считать завершённой. Но внутри них – всё ещё бьётся сердце, шепчет мечта, ждёт тепло.

В этих страницах – вечеринки без музыки, но с душой. Это не о старости. Это о свободе быть собой, когда наконец никто не мешает.

Предисловие

Любовь не спрашивает, сколько тебе лет. Она не смотрит в паспорт, не сверяет календарь. Она может прийти, когда волосы уже с проседью, когда ноги ноют от погоды, а душа – от молчания.

Иногда любовь – это не совсем то, что мы себе представляли в юности. Это не бурные признания под балконом и не письма с ароматом духов. Иногда любовь – это теплота взгляда в зеркале. Это дрожь в коленях от первого танца после десятилетий забвения. Это подруга, которая молчит в нужный момент. Это ты, выбирающая помаду вместо сковородки.

И всё-таки... её стоит ждать. Неважно, сколько тебе. Неважно, сколько боли ты прожила. Любовь – это всегда шанс стать собой. И если вдруг однажды тебе покажется, что всё уже прошло – вспомни: иногда она приходит не по звонку судьбы, а по щелчку туфель с блёстками.

Так и было у Нины. После похорон мужа в её доме осталась только тишина. Ни звонков от детей, ни писем, ни тепла. Лишь подруга, которая громко говорила о жизни – так, чтобы не слышать собственную пустоту. И афиша, висящая под дождём у магазина, где раньше продавали масло и таблетки.

Иногда всё меняется с одного взгляда. В данном случае – с взгляда в зеркало. Туда, где отражение вдруг становится не врагом, а приглашением. Это – история не о старости. Это –

история о том, как иногда любовь приходит к тем, кто уже перестал на неё надеяться. И именно поэтому – остаётся.

Глава 1. Горечь потери

Нина была тихой. Скромная, молчаливая, сдержанная до такой степени, что порой казалась чужой даже в собственном доме. Невысокая, с телом без резких черт – ни худоба, ни полнота, просто... женщина. Удобная. Словно специально созданная для того, чтобы носить простые, мягкие платья, пить горячий чай и говорить редко, но в точку.

Когда-то она была другой. Когда рядом был он. Весёлый, живой, будто наполненный солнечным светом. Он находил на улице стекляшку, поднимал её, смотрел сквозь неё на небо – и звал её к себе, чтобы они вместе "поймали радугу".

Он умер тихо, как жил – от сердечной недостаточности, не громко, без жалоб. После него осталась тишина. И эта тишина жила в ней. Дети были, но отдалённые. Только внучка Анна чувствовала ту самую бабушку, в которую он когда-то вдохнул жизнь.

Утро в доме Нины начиналось всегда одинаково – с тишины, которую не нарушал даже холодильник. Только капал кран, будто отсчитывая минуты, как старые наручные часы, давно потерявшие свой звонкий ход.

Она сидела у кухонного стола в выцветшем халате с вышивкой, подаренной когда-то мужем. Руки сложены аккуратно, как в школе на уроке. Перед ней – чашка, где чай остыл ещё час назад, и тонкий ломтик лимона, подсохший

на краю блюда, словно и он уже уставший.

Фотография стояла чуть в стороне. На ней он был молодой, с глазами, в которых всегда было лето. Даже когда на улице снег. Даже когда в душе – осень.

Нина смотрела на него долго, не отводя глаз. Как будто боялась забыть. Или, наоборот, надеялась – может, исчезнет, если не моргать.

Телефон рядом лежал беззвучно. Вчера – ни звонка. Позавчера – ни одной смс. Дети, занятые, взрослые, серьёзные... как будто смерть отца списала с них и заботу о матери.

На стене висел календарь. Месяц не был перевернут – август всё ещё тянулся, хотя за окном давно сентябрь. И листок, с которого она не могла решиться сорвать лето, был таким же серым, как день за окном.

Она вздохнула. Не грустно. Не горько. Просто – привычно. Накрыла чашку блюдцем, словно закрывая разговор. Пошла в коридор. Натянула пальто, шарф – всё старое, всё знакомое. Схватила сумку – ту самую, в которой больше не лежали записки от мужа, только платки да таблетки.

Дождь ещё не начался, но воздух уже был влажным. Как будто небо передумало плакать вслух и только подёрнулось влагой. Она вышла. Не думая куда. Просто – пошла. Улица встретила её равнодушием. Машины проезжали, не снижая скорости – дождь был слишком мелкий, чтобы считаться серьёзным. Люди, редкие, как поздние листья на деревьях, торопливо шли по своим делам, не замечая одинокую фигуру

в сером пальто.

Нина шла без цели, будто ноги сами выбирали маршрут. Прошла мимо аптеки, где раньше покупала лекарства мужу. Мимо булочной, где когда-то брала хлеб с изюмом, потому что он его любил. Мимо школы, где училась внучка – звонок прозвенел, и на секунду сердце дрогнуло, но никто из бегущих подростков даже не взглянул на неё.

Она свернула во двор. Здесь всё было знакомо: клумбы с облезшими бордюрами, старые лавочки, скрипящие качели. Мир словно остался тем же, только она – уже нет.

Когда она проходила мимо пятиэтажки с облупленным фасадом, ей стало не по себе. Она почувствовала взгляд. Сверху, сбоку... Она подняла глаза – и, конечно, Мария. В окне второго этажа маячила её подруга: в халате в цветочек, с неизменной чашкой и выражением лица «я всё знаю».

Через мгновение форточка распахнулась:

– Нина! Ну ты в своём уме?! – голос Марии был как чайник на вскипании.

– На улице же слякоть! Простынешь, старая коза! Ты куда вообще ходишь, как привидение?

Мария – Худощавая, живая, громкая. Она не терпела пауз – заполняла их словами, движением, даже тенью собственных шагов. Болтушка, спорщица, обидчивая – и всё же своя. В каждом её замечании сквозила не злость, а тревога. Словно если она на секунду замолчит, её просто перестанут замечать. Она могла вспылить, накричать, хлопнуть дверцей

шкафа, а потом – вскипятить чай, как будто ничего не было. Никто не знал, сколько боли вмещает её голос. Наверное, только она сама.

Нина остановилась. Улыбнулась краешком губ. Хотела пойти дальше. Но дверь подъезда уже со скрипом открылась. Мария, в шлёпанцах и с расстёгнутой кофтой, выбежала навстречу, размахивая руками:

– Сдурела совсем, а? Иди ко мне, быстро. Хоть лицо покажешь. А то молчишь как партизанка. Холодина, а она гуляет – красоту наводит, небось.

– Я просто... пройтись вышла, – тихо сказала Нина, уже зная, что сопротивляться бесполезно.

– Прошлась! Сейчас бы ещё на кладбище завернула, с приветом! Иди, чай налью. Хоть послушаешь, что в мире происходит. Ты как в пещере живёшь, ей-богу.

И она вдруг коснулась плеча Нины. Слишком сильно, как это обычно делает Мария – из лучших побуждений.

– Ну? Пошли?

Нина кивнула. И пошла.

Кухня у Марии была территорией, где слово "тишина" значилось в списке запретных. Всё здесь разговаривало – и радио на подоконнике, и заварник с подтеками, и даже табурет, скрипнувший под Ниной, будто выражал своё неодобрение её молчанию.

Мария, в цветастом фартуке с облупившимся котёнком на кармане, металась между плитой и столом, будто одновре-

менно вела эфир на всю страну и варила варенье на случай апокалипсиса.

– Значит, слушай, у Лариски-то внук родился! Прямо как пирожок выкатился, четыре с половиной! Да не сын родил, а дочка! И имя, ты только послушай – Демьян!

Мария закатила глаза, наливая чай.

– А бабка-то рада, бегает с фотками, как будто он у неё единственный. У меня, между прочим, двое! И ничего, не ору на каждом углу.

Нина кивнула. Не выразительно, вежливо, как человек, который просто не хочет нарушать чужое движение.

Мария продолжала, не нуждаясь в реакции.

– А Петрова? Всё та же профурсетка. В своём возрасте юбки короче здравого смысла носит. Говорит, с молодым встречается! Да там не встречается, а носится, как угорелая. Не знаю, кто кому сахар в чай кладёт, но явно не она ему.

Нина опустила глаза в чашку. Чай был сладким. Слишком. Хотелось запить водой, но и на это не хватало сил.

– Ты чего молчишь всё, Нин? – вдруг прервала себя Мария.

– Честно, как на тебя гляну – сердце сжимается. Ты, конечно, всегда была такая... благородная, тиха. Но сейчас – прямо как статуя скорби. Зачем тебе это?

Нина покосилась на неё, но ничего не сказала.

– Вот скажи мне: ты думаешь, он бы хотел, чтобы ты вот так сидела и тихо гасла? Да он бы за уши тебя с кухни выво-

лок и на улицу вытолкал! – Мария стукнула ложкой по краю чашки.

– Пора уже воспрянуть. Жить надо, а не архивами питаться.

Нина чуть улыbnулась. Без радости, но уже не с пустотой.

– Я и не гашу... просто свечка такая.

– Да ну тебя, – вздохнула Мария, вставая за оладьями.

– Всё ты себе придумываешь, всё у тебя поэтично. А жизнь она вот – варенье, пол и новости с утра.

Они допили чай. Мария продолжала щебетать без остановки, как старенькое радио, у которого сломался выключатель: кто заболел, кто развёлся, у кого новый плед, у кого сын пьёт, и почему соседка, с которой двадцать лет здоровались у подъезда, вдруг перестала открывать рот. Нина слушала. Или делала вид. Но внутри что-то сдвинулось, едва уловимо, почти неслышно – словно щёлкнул старый замок, и дверь, которую она раньше не замечала, вдруг приоткрылась.

Нина медленно поставила чашку в раковину, поблагодарила Марию за чай – искренне, но немного рассеянно, как будто всё ещё оставалась где-то в своих мыслях. Мария недовольно поджала губы, откинувшись на спинку стула. Её пальцы чуть дёрнулись, словно она хотела что-то сказать, удержать Нину ещё на пять минут, но промолчала. Только кивнула и сказала:

– Ну иди уж. Раз приспичило.

Нина натянула пальто, нащупала в сумке перчатки и

шарф, надела их не спеша, будто собиралась в путь длиннее, чем просто дорога домой. Накинула капюшон, задержалась в дверях, взглянула на Марию – та уже отвернулась к окну. Тогда Нина тихо вышла.

Снаружи всё осталось по-прежнему: мелкий морозящий дождь, словно кто-то из облаков сыпал землю сырой мукой. Под ногами шуршали влажные, пожухлые листья, цепляясь за подошвы. Ветви деревьев раскачивались лениво, как старики в креслах-качалках. Редкие прохожие сновали туда-сюда, у каждого были свои дела, заботы, направления. У Нины – нет. Её путь был прямым, никуда не ведущим. Но она шла. Медленно, чуть сгорбившись, прижимая сумку к боку, как будто в ней хранилось что-то важное. Может, тишина. Может, эта неуловимая перемена, которую она пока не могла понять, но уже почувствовала.

Мария напоследок ещё что-то выкрикивала из окна – про оладьи на вынос, про новый сериал, про то, что надо как-нибудь снова «поболтать по-человечески». Нина подняла руку в жесте, который можно было принять и за «до свидания», и за «пожалуйста, не продолжай».

Она шла медленно. Дождь уже не накрапывал, а ровно ложился на плечи, промокая волосы у висков. Возвращаться домой не хотелось. Там не было ничего нового. Даже чай оставался в чашке, как забытый собеседник.

Уже у самого входа в магазин – тот самый, где когда-то продавали сливочное масло на развес и яркие повязки на го-

лову – Нина неожиданно остановилась. Стена, которая обычно служила доской почёта для объявлений о ремонте стиральных машин и скидках на гречку, сегодня встретила её всплеском цвета. Неожиданное пятно, как капля краски на сером пальто дня, привлекло взгляд и будто что-то напомнило. Или предвещало.

Афиша. Яркая, блестящая, почти вызывающая. На ней – силуэт женщины в перьях, шляпке, на каблуках. И надпись – витиеватая, с завитушками, словно взятая из другой эпохи:

«Бурлеск для всех возрастов. Танец. Смех. Свет. Каждые выходные. Для тех, кто хочет вспомнить, как это – жить.»

Нина осталась стоять. Не сразу поняла, что задержала дыхание.

Она посмотрела на афишу. Потом – на своё отражение в витрине. Серое пальто, платок, потускневшее лицо. Сумка в руке – как привычка, не как выбор. Хотела пройти мимо. Но ноги не двинулись.

Сквозь тонкий дождь, сквозь свой возраст, сквозь остывший чай в желудке, она вдруг услышала тишину – внутреннюю. Ту, в которой впервые что-то проснулось. Или, может быть, просто вспомнилось. Она не знала, что именно остановило её. Может, это было слово «всех». А может – то странное ощущение, что именно к ней это имело какое-то отношение.

Она ещё постояла у стены, глядя на пятно цвета, пока капли дождя собирались на капюшоне, будто тоже что-то жда-

ли. Потом медленно двинулась дальше. Шла, не ускоряя шаг, не думая о делах, не вспоминая, зачем спешила утром. Она просто возвращалась – в себя, в вечер, в свой дом.

Когда Нина вернулась домой после чаепития у Марии, в доме уже было темно. Не от позднего часа – от погоды, настроения, осени. Тишина встретила её привычным равнодушием: скрипнула дверь, замерли стены, в воздухе повисли запахи чая, улицы и старой шали.

Она сняла пальто, накинула на плечи вязаный платок и прошла в комнату. Подошла к полке, потянулась к старой коробке из-под обуви – та, что хранила не ботинки, а прошлое. Детские рисунки, поздравительные открытки, ленты и фотография, где Анна, совсем маленькая, улыбается, неловко обняв плюшевого слона.

Нина провела пальцем по краю рисунка. Там была она – в длинном платье, с короной и надписью «Бабушка-принцесса». Грубые детские линии, неровные буквы, пятно в углу от сока. Она улыбнулась. Нежно. Чуть с грустью.

Анна давно выросла. Теперь она присылает голосовые, короткие, на бегу. «Привет, бабуль! Всё хорошо. Работы куча, но я держусь. Целую!» – и тишина. Иногда – сердечко. Иногда – пропущенный звонок.

Нина села на кровать, рисунок всё ещё в руке. Подумала: *написать ей? позвонить?* Пальцы потянулись к телефону. Набрала сообщение: «Аннечка, как ты? Я скучаю. Сегодня была у Марии, пили чай с оладьями. Вспомнили, как ты

учила нас печь их по рецепту из твоей книжки.»

Прочитала. Улыбнулась. И стёрла.

– Не хочу мешать, – прошептала.

– У них своя жизнь. У меня – чайник и фотографии.

Она убрала рисунок обратно. Но взгляд ещё долго держался на нём.

А вдруг она скучает? Только стесняется, как я...

Нина встала и медленно подошла к торшеру. Щелчок выключателя разорвал сумрак, и по стенам поползли мягкие отблески, будто кто-то нежно растопил вечер. Свет струился, как мёд – густо, терпко, наполняя углы теплом, в котором можно было дышать. Тишина не ушла, но перестала быть враждебной. Теперь она сидела рядом, как старая знакомая, молчаливая, но уже не злая.

Вечер укутывал Нину – слой за слоем, как старый выцветший плед с запахом шкафной нафталины, стершейся любви и чего-то упрямо живого. В этой тишине было место не только прошлому, но и чему-то впереди. Совсем маленькому. Но живому. А где-то в телефоне, среди непослушанных голосов, всё ещё ждал тот самый: «Бабуль, я тебя люблю».

Глава 2: Первый шаг

Она проснулась рано. Не от звука, не от тревоги – от того, что сон вдруг стал слишком тёплым, а подушка – холодной. Сквозь занавеску в окно пробивался свет – не солнечный, нет, скорее тусклый, серо-белый, как будто не день наступил, а просто ночь забыла вовремя уйти.

Нина лежала, уставившись в потолок. Раньше в такие утра она не чувствовала ничего, кроме пустоты. Сегодня – было иначе. Незаметно, но чётко. Что-то двигалось внутри, как будто подтаивала внутренняя глыба. А может, это просто вчерашняя афиша не выходила из головы.

Она закрыла глаза, но не смогла вернуться в сон. Вместо этого перед ней всплыла та надпись – "для всех возрастов" – и женщина в перьях, слишком смелая для её мира. Нина вдруг представила себя в том же наряде – и вздрогнула. Но не от страха. От удивления, что вообще может представить.

С этими мыслями она медленно поднялась с кровати. Надела халат. Пошаркала на кухню. Пока грелась вода в чайнике, она подошла к зеркалу в прихожей. Отражение встретило её без особого энтузиазма: припухшие глаза, сероватая кожа, волос торчит на затылке. Она не отвернулась. Только аккуратно пригладила выбившуюся прядь и вдруг улыбнулась. Чуть. Почти испуганно. Будто застала саму себя за чем-то необычным.

В доме по-прежнему стояла тишина. Но впервые за долгое время Нина не спешила её прогнать – не включила радио, не зажгла телевизор, не постаралась раствориться в звуках. Кухня встретила её привычной расстановкой: чистая кружка на крючке, аккуратная салфетка, чуть перекосившаяся ска-терть, как старая улыбка. Всё было на своих местах, будто ничего не менялось. Скрипнул стул, когда она села. Ложка тихо звякнула о керамику. Запах кофе медленно поднялся вверх, стелился по воздуху, будто пытался заполнить пустоты между стенами.

Она налила себе чашку – не чтобы проснуться, не чтобы начать день. Просто чтобы быть. Обхватила тёплую керамику ладонями, будто это был якорь, и застыла, глядя в окно.

Снаружи ветер играл с ветками, дергал их за тонкие пальцы, а листья, отрываясь, падали не спеша – по одному, кружась, как танцоры на последнем вальсе. Они не сопротивлялись. Только красиво опускались вниз. Смиренно. Как будто знали: всё, что должно быть, уже случилось. А дальше – тишина.

"Может, и я кружусь," – подумалось ей. – "Всё думаю, будто лечу, а уже давно лежу."

Она вздохнула. Не тяжело – наоборот, неожиданно легко. Будто изнутри вышел ненужный воздух, накопившийся за годы молчаливой усталости. И в эту крохотную паузу – между вдохом и новой мыслью – всплыло: "А что, если пойти?" Без уточнений. Без маршрута. Без этих конкретных слов –

«на бурлеск», «в студию», «в блёстках». Просто пойти. Не лежать на диване, не прятаться за кружкой, не растворяться в тени мебели. Не быть статуэткой в стеклянном шкафу, посудой на полке, пыльным воспоминанием. А встать. Шагнуть. Выбрать движение вместо ожидания.

Она вдруг рассмеялась. Сначала тихо, как будто кто-то внутри неё пошутил, и только она одна поняла эту шутку. Кофе попал не в то горло, и она закашлялась, схватившись за грудь, всё ещё посмеиваясь сквозь слёзы. Смех оказался тёплым, настоящим, почти глупым. Она представила: вот если бы сейчас кто-то заглянул в окно – увидел бы женщину, однажды утратившую вкус к жизни, сидящую на кухне и смеющуюся над неизвестно чем. Наверное, подумал бы, что она сошла с ума.

А она – просто впервые за долгое, очень долгое время захотела что-то сделать. Не из чувства долга. Не чтобы кому-то доказать. А потому что интересно. Потому что заворожило само слово – «пойти». И это было странно. И это было прекрасно. Как будто внутри неё кто-то проснулся, потянулся, зевнул – и решил, что жить, в общем-то, всё ещё можно.

Телефон зазвонил неожиданно резко – так, что Нина вздрогнула и чуть не опрокинула чашку. Конечно, Мария. Кто же ещё? Этот её рингтон она узнала бы даже сквозь сон: звенящий, как старая кастрюля, упавшая на кафельный пол – громко, безапелляционно, в лоб.

– Ну, здравствуй, моя молчунья! – Мария, как всегда, без

прелюдий и сантиментов.

– Ты хоть представляешь, что у нас тут творится? Клара опять не может! У неё, видите ли, стирка! И глажка! Да ей уже сто лет, кто там ещё у неё в доме, чтобы так всех обглаживать?!

Клара – их подруга. Пухленькая, подвижная, будто заведённая пружинка, она вечно металась из угла в угол, как маленькая мышка, стараясь всем угодить. Редко сидела спокойно: то чай нальёт, то подушку подоткнёт, то вспомнит, что где-то не выключила утюг. Вечно занятая, немного нервная, с ладошками, вечно пахнущими чем-то домашним – тестом, мылом или утренним кремом.

Она не блистала островами, как Мария, и не уходила в себя, как Нина. Она просто была рядом. И рядом с ней становилось как-то по-домашнему: спокойно, вкусно, тепло. Она из тех женщин, чьё присутствие ощущается, как мягкий плед на плечах – вроде бы ничего особенного, но стоит ему исчезнуть, и сразу зябко.

Клара принадлежала к тем, кого редко ставят в центр, но кто, по сути, держит всю конструкцию. Она словно тень, которая не гасит свет, а закрывает от сквозняков. Её считали самой обычной – но, может быть, именно поэтому её и любили. В ней было что-то неуловимо родное, как запах свежее испечённого хлеба или маминых духов на старом шарфе. Просто – любили.

Нина сидела за столом, обхватив кружку горячего кофе

ладонями.

– Так что, если хочешь – заходи на выходных одна. Я уже яблочный пирог в голове испекла, даже муку купила. И вообще, ты у нас теперь самая таинственная. Не звонишь, не пишешь, ходишь, как агент разведки.

Нина рассеянно покрутила ложку в чашке, хотя кофе был уже готов, без сахара – как она любила. Это движение было не из нужды, а скорее из привычки – делать вид, что чем-то занята, пока слушает.

– Ты меня вообще слышишь? – голос Марии стал чуть громче, как будто пытался пробиться сквозь толщу тумана.

– Слышу, – спокойно отозвалась Нина, не меняя интонации.

– Так придёшь?

На том конце повисла пауза. Нина не сразу ответила. Она отвела взгляд от кружки, посмотрела в окно – и вдруг заметила, как небо за стеклом стало чуть светлее. Будто серое облако на мгновение дрогнуло, дало пройти свету. Это было почти незаметно, но почему-то важно. Внутри что-то откликнулось.

– Подумаю, – сказала она, тихо, без сопротивления, но и без обещания.

– Подумаешь! – возмутилась Мария.

– Да у тебя мыслей уже скоро через край пойдёт, а ты всё думаешь! Нельзя же жить вечно в раздумьях, Нин. Надо жить – понимаешь? Жить! А не в своём музее ходить и на

картины грусти смотреть.

Нина улыбнулась краешком губ.

– Ты права, – сказала она. – Жить надо. Вот я и думаю, как.

Мария замолчала. Это был не тот ответ, к которому она привыкла.

– Ну... тогда подумай, – сказала она тише. – Если что – пирог будет. И я.

– Спасибо, Мария, – ответила Нина и нажала "Завершить".

Телефон замолчал. На кухне повисла тишина – та самая, почти осязаемая, в которой вдруг особенно отчётливо слышно, как тикают часы, как капает кран, как дышит дом. Стало удивительно спокойно. Даже приятно. Почти уютно – если бы не это «почти».

Скатерть лежала ровно, будто только что поглаженная. Кружки отмыты до блеска, ни крошки на столе. На плите – яблочный пирог «на завтра», укрытый полотенцем, как спящий ребёнок. Всё – как надо. Всё – как всегда. И в этом, пожалуй, и была главная беда.

– Ну вот и что теперь, – произнесла она вслух. Голос прозвучал глухо, чуждо, будто сказала это не она, а кто-то другой, живущий в этой кухне.

– Всё чисто, всё правильно. А внутри – пусто.

Нина потянулась к подоконнику и достала оттуда старую фотографию. Осторожно, как хрупкое воспоминание.

На снимке – она с мужем, оба смеются, глаза прищурены от солнца, а в руках – ведро, полное малины. Руки перепачканы соком, волосы растрепаны ветром, и в этих лицах – то самое летнее счастье, простое, тёплое, наивное. Такое, которое, как она теперь знала, уже не вернётся.

– Я ведь не просто жена была... – тихо сказала она, глядя на фотографию. – Я была женщиной. Со смехом. Со своими песнями. С губной помадой, которая пахла малиной. – Пальцы скользнули по лицу на снимке. – А теперь... как будто всё растворилось.

Нина встала, прошлась по комнате, задержалась у окна, вернулась на кухню. Взяла чашку – горячая ли? Пустая? Неважно. Поставила обратно. Подумала было налить чай, но зачем? Всё равно никто не выпьет.

Она села снова, медленно, будто под её весом оседала не только табуретка, но и всё, что накопилось за годы. Прислушалась – к себе, к дому, к тишине, что не отступала.

– Я громко говорю, чтобы заглушить вот это... – выдохнула она и кивнула в сторону невидимого, но осязаемого. – А иногда и оно меня не слушает.

Несколько секунд она сидела, опустив голову, словно прислушивалась не к себе, а к миру. Потом медленно поднялась, накинула на плечи платок и вышла на балкон. Солнце мягко ложилось на крыши, играло бликами на мокром после ночного дождя асфальте. Улица ещё не проснулась окончательно – редкие прохожие шли вяло, будто лениво перелистыва-

ли начало нового дня. Где-то вдалеке залаяла собака, коротко, без тревоги, как будто просто по привычке.

– А ведь даже собака знает, куда идти, – сказала Нина почти шёпотом. – А я... всё ещё стою.

Она обняла себя за плечи. Постояла немного, глядя, как солнечный луч скользит по перилам балкона. И вдруг, будто в ответ на что-то невидимое, едва уловимое, произнесла:

– А может, и хватит стоять.

Вернувшись в комнату, она включила радио. На этот раз – не для фона. Она действительно хотела слушать. Хотела быть. В доме всё ещё было чисто. Всё – как прежде. Но внутри неё что-то тихо, почти неуловимо, сдвинулось с места.

Она постояла немного посреди комнаты, словно прислушиваясь к новому ритму, который только начал нарастать внутри. Ничего не произошло всерьёз – ни грома, ни прозрения – просто появилось ощущение, что она может сделать шаг. Один. Любой. И она сделала. Не думая. Почти играючи – как ребёнок, решивший проверить, насколько далеко можно уйти от крыльца.

На улице было прохладно, но не холодно. Осень щекотала ветром щеки, как будто уговаривала: «Ну же, решись...»

Нина шла без спешки. Сумку держала под мышкой, как привычку, а не как вещь. Вышла за молоком, но пошла не в тот магазин. Почему – сама не знала. Просто ноги свернули, будто хотели посмотреть, куда заведёт день. Она шла по улице, которую знала много лет. Каждый дом, каждую выбоину

на тротуаре. Но сегодня в этом всё было что-то другое – может, дело было в ней самой.

И вдруг – витрина.

Небольшой обувной магазин, почти незаметный, с окном, заляпанным каплями дождя. За стеклом – туфли. Ярко-вишнёвые, лакированные, с острым носком и тонким ремешком. Каблук – не слишком высокий, но уверенный, как шаг по незнакомой улице. Слишком молодые? Возможно. Слишком вызывающие? Может быть. Слишком «не Нина»? Без сомнения. Но почему-то – до боли «да».

Она остановилась. Сначала просто смотрела. Потом подошла ближе. Сквозь стекло – своё отражение. Лицо бледное, волосы прибитые ветром, пальто сбилось с одного плеча. Усталый силуэт, и всё же – в глазах что-то мелькнуло. Не тоска. Не сомнение. Ожидание. Или – предчувствие.

Нина слегка улыбнулась. Не проходим. Не себе даже. А туфлям. И дню. И этой странной тяге – жить чуть громче, чем вчера.

Она вошла в магазин почти на цыпочках, словно боялась спугнуть это хрупкое, едва родившееся чувство – желание. Не практичность, не необходимость, а чистое, лёгкое «хочу».

Примерка была быстрой. Туфли словно ждали её – сели идеально, точно знали, на чью ногу хотят попасть. Когда она вышла, в руках была коробка. Вишнёвая, как и туфли. И в глазах – блеск, которого давно не было. Да, ей шли. Ещё как.

Дома Нина только успела поставить сумку на стол, развя-

зять платок и повесить пальто, как зазвонил телефон. Экран мигнул знакомым, но редким именем – Анна. Внучка. Та, что раньше присылала рисунки с радугами и кривыми солнышками, а теперь – короткие голосовые, сухие и всегда на бегу. Сердце Нины откликнулось почти с волнением – как перед чем-то неожиданным, немного важным и, может быть, добрым.

Она нажала «принять», и почти сразу в трубке раздалось: – Бабушка! Ну наконец-то я тебя поймала! Ты как, как себя чувствуешь?

Голос Анны был как солнечный лучик, случайно заглянувший в старое кресло у окна – тот же, что в детстве, только стал чуть ниже, взрослее, с оттенком усталости большого города. Но всё такой же родной.

Нина улыбнулась – непроизвольно, мягко, так, как улыбаются только на голос близкого человека:

– Всё хорошо, милая. Вот только с дождём борюсь – он, как назло, за мной по пятам. А у вас как?

– Та же погода, – рассмеялась Анна. – Только у меня она внутри: работа, беготня... не успеваю вынырнуть. Ну ты знаешь. Соскучилась по тебе.

– И я, – ответила Нина, почти шепотом. Эти слова прозвучали тише остальных, но именно в них была вся правда.

Они говорили ещё несколько минут – о здоровье, о погоде, о новой коллеге Анны и о старом соседе Нины, который теперь почему-то всегда ходил в кепке. Слова текли легко,

без напряжения, как ручей между камней. И вдруг, сама не зная зачем, Нина сказала:

– Ты знаешь, у нас тут бурлеск открыли. Прямо через дорогу. Танцы такие... с перьями. И, между прочим, для всех возрастов. Представляешь?

На другом конце повисла пауза. Потом – взрыв смеха. Чистого, неожиданного, заразительного.

– Бабушка, да это же шикарно! – выдохнула Анна. – Ты должна пойти! Серьёзно, я прям вижу тебя – ты такая, в перьях, с этим взглядом «а мне всё можно». Музыка, свет – шикарно же! Я бы сама пошла, если б у нас тут такое было.

– Да куда мне, – отмахнулась Нина, но голос уже улыббался вместе с ней.

– А вот и не «куда», – уверенно перебила Анна. – А «именно туда». Только пообещай, что подумаешь. Правда. Мне кажется, тебе это прям очень-очень надо.

Нина ничего не ответила сразу. Просто слушала, как внучка продолжает что-то говорить, живо, вдохновлённо, с той лёгкостью, которой ей так давно не хватало самой. И вдруг почувствовала: может быть, и правда стоит хотя бы попробовать.

Разговор стих. Но внутри Нины что-то едва заметно сдвинулось – как если бы занавеска вдруг дрогнула от лёгкого ветра и упала по-новому. Свободнее. Живее.

– Целую, моя дорогая.

– И я тебя, бабуль. Только, пожалуйста... не живи в паузе.

Лови музыку, если она уже рядом.

Звонок завершился. А слово «бурлеск», случайно сказанное вслух, осталось в комнате – будто аромат духов, который вдруг оказался ей по вкусу. Не чужой. Не чуждый. А её.

Нина сидела на диване, с телефоном в руке, будто тот весил полтонны. Экран светился тускло, в нём отражалось её лицо – чуть растерянное, слегка сосредоточенное. Открытая вкладка гласила: "Бурлеск. Пробное занятие. Для всех возрастов."

Палец зависал над кнопкой «Зарегистрироваться», потом отступал, будто касание могло изменить что-то слишком важное. Она уже нажимала – и возвращалась назад. Трижды. Не от страха. Просто она ещё не до конца привыкла к мысли, что может хотеть. Что желание теперь – не глупость, не прихоть, не несвоевременность, а право. Её собственное.

В доме стояла тишина такая, что было слышно, как дождь тонко стекает по стеклу, будто кто-то пальцем проводил по оконному стеклу, в такт её сомнению. И вдруг – щелчок. Тихий, почти неуловимый. Палец коснулся экрана. Кнопка нажата. Отправлено.

Сердце дрогнуло – так же, как когда-то в юности, когда звонишь тому, кто тебе нравится, и не знаешь, ответит ли. Только теперь всё было иначе. Теперь она звонила себе.

Несколько минут спустя телефон пискнул. Уведомление. Нина поднесла его ближе к глазам, затаив дыхание. Как будто подтверждение значило больше, чем просто цифровая за-

пись. Как будто это был первый шаг куда-то, где она давно не была.

Нина, здравствуйте! Мы рады сообщить, что вы успешно зарегистрированы на пробное занятие по бурлеску в это воскресенье в 12:00. Занятие бесплатное. Просто приходите. Мы уже ждём вас – такими, какие вы есть. С любовью, команда BURLESQUE YOU.

Нина смотрела на сообщение долго. Губы сложились в улыбку – неуверенную, но настоящую. Она встала. Подошла к зеркалу. Посмотрела на себя. И впервые не подумала: "Старая". А подумала: "Ну что ж..."

Через пару минут она взяла трубку и набрала Марию.

– Алло! – тотчас откликнулась подруга, как будто ждала у телефона.

– Мария, я тоже не смогу прийти в выходные.

– Опять? – вскипела та. – Да что ж вы все, как сговорились? Одна не может, другая не хочет! Я, значит, тут с пирогами, как дура...

– Мария, прости. Просто... у меня свои дела.

– Ну конечно. У всех свои дела, – проворчала подруга. – Хорошо, не хочешь – не надо.

– Спасибо за понимание.

Нина отключилась.

И тут, впервые за долгое время, ощутила настоящую лёгкость.

В доме снова стало тихо. Но тишина была уже другой.

Не ледяной, не звенящей от пустоты. Она была... мягкой. Как свежеевыстиранное одеяло, как глоток тёплого молока на ночь. Не давящей, а дающей пространство.

Нина сидела у окна. С чашкой, которую уже не пила. Смотрела, как дождь лениво стекает по стеклу. Впервые за много месяцев у неё был план на выходные – не траур, не обед, не вежливый визит, а что-то совершенно для себя.

Она подумала о воскресенье. О зале. О людях. О том, что скажет, когда зайдёт. И, странно, не почувствовала страха. Только лёгкое волнение – как будто что-то внутри просыпается, и пока боится говорить вслух.

Она перевела взгляд на туфли – вишнёвые, лакированные. Стояли у стенки, ещё в коробке, как тайна. Нина подошла, осторожно открыла крышку. Провела пальцами по ремешку. Её туфли. Для чего-то большего, чем просто шагать по квартире.

В зеркале мелькнуло отражение. Она поймала его взглядом. И впервые за долгое время не отвела глаз. Просто смотрела. На себя. На ту, которая ещё помнит, как это – быть живой. Она улыбнулась. Чуть-чуть. Совсем по-настоящему.

3 глава. Особенный день

Нина проснулась ещё до будильника, хотя никакого будильника у неё и не было. Просто открылся глаз, и всё стало ясно: сегодня – тот день.

За окном всё ещё было серо. Мир не торопился просыпаться. Но внутри Нины уже что-то звенело – негромко, едва ощутимо. Как тонкий металлический ободок воспоминания, как хрупкий звук старого кулона, что когда-то касался её ключиц, пока она шла навстречу утру.

Она лежала пару минут, глядя в потолок. Потом поднялась. Медленно, как будто каждое движение требовало отдельного разрешения.

В ванной подольше, чем обычно, держала ладони под струёй воды. Будто пыталась смыть тревогу. Она знала, что может передумать в любую минуту. И боялась именно этого – что в последний момент вернётся "старая она" и всё отменит.

На кухне сделала кофе. Не пила, просто смотрела, как поднимается пар. Потом подошла к шкафу и начала выбирать. Ничего подходящего. Всё казалось или слишком простым, или слишком нарочитым. Наконец, нашла нейтральное: светлый джемпер, юбка до колена, туфли на маленьком каблуке.

Но остановилась у полки с коробкой. Вишнёвые туфли. Та

самая пара. Открыла. Провела пальцем по лаку. И вдруг – надела. Просто чтобы «примерить». Встала у зеркала. Отражение не смеялось. Не осуждало. Только спрашивало: «Ты готова?»

Она глубоко вздохнула.

– Нет, – прошептала. – Но пойду.

Сумку взяла маленькую. Не потому что удобно – потому что хотелось чувствовать себя другой. Проверила время. До начала было чуть больше часа. Хватит, чтобы дойти. Или, если испугается – вернуться.

Она встала у двери. Вдох. Выдох. Рука на ручке. Щелчок. Дверь открылась.

Город не заметил, что для Нины сегодня особенный день. Он жил своей привычной жизнью: кто-то выгуливал собаку, кто-то нес пакет с макаронами, кто-то кричал кому-то в телефон. А она – шла. Медленно. Ровно. Как будто просто пошла по делам. Но каждая клетка её тела знала: это не обычная прогулка.

Туфли чуть жали. Или это ноги давно отвыкли от другого ритма. В сумке всё звенело – не от предметов, а от мыслей.

"Сейчас поверну обратно. Ещё не поздно. Никто не узнает. Скажу, что проспала. Что голова разболелась. Что дождь сильнее стал. Что..."

Она прошла перекрёсток. Знакомые дома мелькали мимо, как давно заброшенные воспоминания. Всё было слишком привычным. И именно это её пугало.

"Если сейчас сверну – так и останусь жить в том же круге. Платье – плед. Окно – единственный зритель. И чайник – лучший собеседник."

На остановке она на секунду остановилась. Посмотрела в витрину ларька. Там, в отражении – женщина. В пальто. С прямой спиной. Не робкая. Просто решающая.

Здание студии появилось впереди неожиданно. Не пафосное, простое. Серое, с вывеской, где слово "BURLESQUE YOU " было написано розовыми буквами. Под ними – «Для всех возрастов».

Нина остановилась. Сделала шаг назад. Потом снова вперёд. Рука коснулась дверной ручки.

"Ты же можешь уйти. Но если зайдёшь – то уже не будешь прежней."

Она вздохнула. Закрыла глаза на полсекунды. И открыла дверь. Внутри пахло древесиной и чем-то сладким – может, духами, может, страхами. Зал оказался просторнее, чем казался с улицы. Белые стены, зеркала, мягкий свет. На полу – коврики, стулья, стойка с яркими перьями и блёстками. Всё бы ничего.

Но все они были молодые. Гибкие, звонкие, в ярких лосинах, с блестящими губами и волосами, собранными в идеальные пучки. Они смеялись, перебрасывались фразами, делали селфи у зеркала, тянулись, крутили бёдрами в шутку, легко и уверенно, как будто жили в этом зале.

Нина застыла у входа.

Она хотела стать незаметной – но как будто наоборот: её заметили все. Или это она так чувствовала. Лицо горело. Плечи поджались. Ей вдруг стало неудобно за всё: за свой возраст, пальто, морщины, туфли, себя. Хочется развернуться, выйти, сказать: «Извините, я... ошиблась.»

Но она не двигается. Только стоит. Смотрит в зеркало. Видит рядом с собой – их. И себя. Резкая разница. Никаких скидок.

"Что ты тут делаешь, Нина?"

Она не знает. Но остаётся. И тут открывается вторая дверь. И в зал входит она – Лея.

Она появилась, как будто её уже не хватало. Не загремела каблуками, не хлопнула дверью – просто вошла. Высокая, вольная, с лёгкой походкой и изящным шарфом, повязанным так, будто это не ткань, а настроение. В волосах – цветок. В голосе – весна. Она не поздоровалась по списку. Она собрала зал взглядом. И только потом заметила её.

– Вы Нина? Голос Леи был удивительно простой. Не «вы пришли?!», не «всё в порядке?», а просто: – Вы – Нина?

– Да, – тихо. Почти как извинение.

Лея подошла ближе. Без нажима. Без взгляда сверху. Улыбнулась. И сказала:

– Очень хорошо, что вы здесь. Всё остальное – ерунда. Давайте просто попробуем. Всё, что будет неудобно – сделаем удобным. Вы не обязаны быть кем-то. Просто будьте собой. А мы уже рады.

Нина кивнула. Не потому, что поняла. А потому, что в это вдруг захотелось поверить.

Лея пошла дальше, не оглядываясь. И Нина сделала шаг вперёд. Самый трудный. Но уже не одна.

Музыка заиграла тихо, как будто не уверена, что её тут ждали. Лея хлопнула в ладоши – один раз, не громко.

– Начнём. Просто двигайтесь. Как можете. Как дышится.

Девушки в зале легко перешли в движение – словно им только этого и не хватало, чтобы раскрыться. Нина – напротив. Руки будто не её. Спина чужая. Ноги путаются. Каждое движение – как через воду. Зеркала отражали всё. Каждую неловкость. Каждый изгиб. А рядом – молодые, звонкие, такие живые.

Она старалась. Не потому что была готова блистать, а потому что не хотела опозориться на ровном месте. Плечо дёрнулось. Подошва заскользила.

"Зачем я здесь? Это ошибка. Я смешна. Глупа. Неловка."

И вдруг – голос Леи. Без осуждения. Без давления. Просто точно в точку.

– Нина.

Она подняла глаза в зеркало. Лея смотрела именно на неё. С улыбкой. Мягко. С теплом, которое не давит, а держит.

– Не сравнивайте. Это не соревнование. Это место – не для идеальных. Оно для живых. А вы – живы. И уже за это – браво.

Пауза.

– Дышите. Танцуйте так, как умеете. А остальное – неважно.

Нина кивнула. Губы чуть дрогнули. И вдруг ей стало... не легче. Но приятнее.

Музыка звучала. Зеркала отражали. Но впервые она не искала глазами других – не сравнивала, не стеснялась, не подглядывала украдкой. Она смотрела на себя. На ту, которую давно не замечала. На женщину, которая двигается, дышит, живёт.

Когда музыка стихла, зал не стал тише. Воздух всё ещё пульсировал энергией – живой, почти осязаемой. Хотелось остаться ещё на минуту, впитать всё до капли. Как после хорошего фильма, когда титры уже идут, а ты всё сидишь во тьме, боясь спугнуть ощущение, которое только что родилось. Она не спешила. Потому что впервые за долгое время ей не хотелось убежать от себя.

Нина вытирала лоб платочком, стараясь не слишком смотреть в зеркало. Ноги дрожали. Сердце билось чаще, чем она привыкла. Она уже собиралась потихоньку выйти – но тут вдруг одна из девушек обернулась.

– Вы такая молодец!

Нина замерла.

– Серьёзно, – подтвердила другая. – Вы так двигались, прям уверенно. И фигура у вас – супер! Я в вашем возрасте мечтаю так выглядеть.

– Правда! – добавила третья, отстёгивая блестящий по-

яс. – У вас такая осанка! Видно, что вы всё чувствуете.

Нина хотела отмахнуться, но слова застряли. Она только кивнула, улыбнувшись, как школьница на похвалу. В глазах – непонимание. А внутри – что-то щёлкнуло и осталось. В этот момент подошла Лея.

– Девочки, вы сегодня были великолепны. Все. И – она повернулась к Нине:

– Особенно вы. Потому что вы сделали шаг туда, куда многие не решаются. А это – и есть танец. Преодоление. Радость. Движение вопреки.

Она положила руку на плечо Нины.

– Приходите ещё. Вам здесь есть место. И не просто где-то сбоку.

Нина кивнула. Уже уверенно. А потом – вышла из зала. Уже не как тень. А как женщина, которая вновь нашла собственный ритм.

Нина вышла на улицу – и будто вышла из сна. Свет был мягче, чем утром. Дождя уже не было, только лужи отражали небо, словно растянули его на асфальте. Мир не изменился. Люди всё так же спешили, машины гудели, голуби сновали у скамеек.

Но что-то точно изменилось.

Она шла неспешно. Лёгкий ветер тронул ворот пальто. Туфли постукивали чуть звонче, чем обычно. И плечи – чуть выше. Никаких чудес. Просто не было стыда. Не было вины за то, что она жива.

На витрине ювелирного магазина она вдруг увидела отражение. Своё. Женщина в пальто, чуть покрасневшая, с осветлённым взглядом. Улыбающаяся – не себе даже, а всему, что случилось. И вдруг, будто между делом, подумала:

«А ведь я – молодец.»

Она не планировала это думать. Но сказала вслух. Тихо. С гордостью, которой у неё не было, кажется, с тех пор, как внуки были маленькими.

Она подошла к двери дома. Повернула ключ. Вошла. И впервые за долгое время – не почувствовала, что возвращается в пустоту. А просто – домой.

4 глава. Карты на стол

Прошла неделя. Никаких громких событий. Ни встреч, ни праздников, ни тревожных звонков. Просто дни. Но впервые за долгое время – её.

Нина не звонила ни Марии, ни Кларе. И не потому что сердилась. Просто – не тянуло. Не хотелось обсуждать чужие рецепты, болезни, характеры соседей. Она словно закрыла внутреннюю дверь, за которой раньше пряталась от одиночества. А теперь – от шума.

Утро начиналось с кофе и музыки. Лёгкая, ритмичная – та самая, с урока. Она включала её тихо, чтобы не пугать себя. И двигалась. Не танцуя. Просто жила в теле. Иногда стояла перед зеркалом. Долго. Без критики. Просто смотрела, как лицо перестаёт быть усталым, если не щуриться в осуждении.

Туфли стояли у кровати – не как реликвия, не как трофей. А как приглашение. Напоминание о том, что можно – и хочется – быть другой. Быть собой. Сумочка – всё ещё с лёгким блеском – теперь сопровождала её даже в магазин. Она больше не пряталась за ней, как за щитом. Она шла с ней, как с акцентом. С утверждением. Нина начала ловить взгляды. И не отворачивалась. В этом не было ни вызова, ни ожидания – просто присутствие. Спокойное, живое.

Она не ждала, что подруги поймут. Уже не нуждалась в

объяснениях. Она дышала по-другому. Смотрела – иначе. И мир, будто заметив это новое дыхание, начал отвечать. Не громко, не сразу. Но точно – с лёгкой, почти интимной взаимностью.

Сегодня, проходя мимо старой полки, Нина невольно остановилась. Там стояла фотография – он смотрел оттуда чуть искоса, с привычной улыбкой, будто вот-вот скажет: «А ну-ка, не грусти. У нас ещё грибы не собраны.»

Он всегда был таким – светлым, живым, настоящим. Мог поднять с тротуара стекляшку и смотреть сквозь неё на небо, как будто нашёл волшебный фильтр от тоски. Он не был богат, но был щедрым. Не деньгами – собой. С ним мир казался другим. Они могли часами ходить по лесу, обсуждать книги, ловить закаты, сидя на упавшем дереве. В те моменты она забывала, что была молчаливая, скромная. Он открывал её. Он был её зеркалом, в котором она впервые увидела свет внутри себя.

Может быть, именно поэтому после его смерти всё стало иначе. Даже дети казались далекими. А внучка... только с ней Нина позволяла себе быть той, кем её когда-то сделал он – чуткой, внимательной, живой.

Сегодня она впервые позволила себе подумать не о боли, а о свете. И этот свет – был он.

Нина сидела на диване, укрытая старым шерстяным пледом. В комнате было темно. На коленях – телефон, в наушниках – голос её внучки.

«Привет, бабуль. Я в бегах, как всегда. На работе завал, не высыпаюсь совсем. Но всё нормально. Всё хорошо. Ты только не волнуйся, ладно? Люблю тебя».

Запись была короткой. Но Нина нажимала «повтор» снова и снова. И каждый раз замечала то, чего не слышала прежде, как дрожит голос на слове «нормально». Как будто Анна делает вид, что всё в порядке, но внутри – усталость, тревога, натянутая пружина.

Она выключила запись. Сняла наушники. Посмотрела в окно. Там, за стеклом, качались ветки, и капли дождя стучали по подоконнику в том же ритме, что и её мысли.

– Ты сильная, моя девочка... Но, может быть, и тебе иногда хочется, чтобы рядом была не просто бабушка, а просто – кто-то.

Нина встала. Медленно, с усилием, но в этом движении уже не было сомнений. Только решимость, чуть приглушённая годами. Она подошла к старому столу, покрытому лёгкими царапинами и отпечатками чашек – таким родным, таким своим. Открыла ящик, достала потёртую записную книжку, ту самую, где на первых страницах – телефон мужа, теперь выцветший, как сама память.

Между страниц был спрятан лист плотной бумаги. Она вынула его, расправила уголки, взяла ручку. Сначала просто подержала её в руке – как будто прислушивалась, не перебьёт ли кто-то её намерение. Никто не перебил. Тогда она начала писать. Медленно, печатными буквами, почти шёпо-

том – но уверенно.

«Аннушка, я просто рядом. Не для вопросов. Не для советов. Просто рядом.»

Она перечитала. Сложила письмо пополам. Положила в конверт. Уже хотела запечатать, но вдруг остановилась. Что-то в этом казалось слишком сдержанным, сухим. Почти официальным. Она вынула лист, задумалась, прикусила угол бумаги и приписала ниже, как бы между делом, но с улыбкой:

«Я всё ещё умею печь твои оладьи. А ты?»

Теперь письмо стало настоящим. Словно живым. Она аккуратно вложила его обратно, запечатала, провела пальцем по шву и, не торопясь, встала. Посмотрела в окно. День был обычным. Но в ней – происходило что-то важное.

Решение созрело. Она поедет. Не чтобы спасти. Не чтобы учить. Не потому что так нужно. А просто – быть. Как бабушка. Как женщина, которая знает цену простым словам – «я рядом».

В пятницу вечером на экране телефона вспыхнуло сообщение от Марии. Без приветствия, без смайликов – как всегда. Прямо, в лоб:

"Суббота? Я с пирогом. Зови Клару, если ты всё ещё не передумала вылезать из своей пещеры."

Нина не ответила сразу. Просто положила телефон на стол, встала, медленно заварила чай. Вода закипала, пар поднимался вверх, а она смотрела в окно, где сумерки ложились на крыши. Ей не нужно было много времени на раздумья –

просто нужно было чуть больше тишины. Потом, сдержанно, но честно, она набрала:

"Спросила. Клара не сможет – хлопоты. А я пока не решила."

Ответ прилетел почти сразу. Как у Марии всегда – без паузы и с характером:

"Хлопоты у неё в голове. Она с ними уже лет двадцать живёт. Вечно между кастрюлями и тазами. А ты? Уже и ты времени ни на кого не находишь?"

Нина не обиделась. Даже не усмехнулась. Просто вздохнула – не тяжело, а глубоко, как на знакомую реплику из старого фильма, который знаешь наизусть и уже не воспринимаешь всерьёз. Поставила чашку рядом с телефоном, не глядя.

Позже она увидела ещё одно сообщение. От Клары:

"Ниночка, милая, не получится в этот раз. Внук простыл, надо бежать за лекарствами, муж просил суп сварить, да и стирка опять накопилась – у меня, как всегда, дом в режиме тревоги. Но я вас помню и обнимаю мысленно. Обязательно как-нибудь в другой раз, хорошо?"

Раньше Нина не переживала из-за несостоявшихся встреч. Ей было комфортно в тишине, в ритме собственных дней. Но сейчас – что-то было иначе. Она перечитала сообщение от Клары ещё раз. Не с обидой, не с упреком – скорее с лёгким сожалением.

Она вдруг поняла: возможно, встреча действительно была бы кстати. Просто чтобы сказать. Рассказать. Поделиться.

Потому что её новое увлечение – неожиданное, живое, почти дерзкое – всё сильнее захватывало мысли, сердце, тело. Танцы перестали быть просто занятием «для себя». Это было как весна, как река, которая выходит из берегов, и с этим потоком уже становилось трудно справляться в одиночку.

Ей хотелось, чтобы кто-то знал. Услышал. Поверил вместе с ней. Потому что держать в себе это новое, живое чувство становилось всё труднее – оно уже не умещалось внутри, как радость, которую хочется разделить, чтобы она стала ещё больше.

Но она не обижалась. Не принимала отказ близко к сердцу. Клара не из тех, кто отмахивается. Если сказала, что не может – значит, действительно не может. Её хлопоты были настоящими, не придуманными. Она не уходит от встреч – она просто живёт в своём темпе, между заботами, между кастрюлями и внуками. И Нина это уважала.

"У неё свой ритм. У Марии – свой. И у меня теперь тоже. Это не расстояние. Это просто разные направления. И всё в порядке."

Она отложила телефон – не с упрёком, а с тихим принятием. Затем включила музыку, выбрав что-то лёгкое, игривое, как настроение, которое только начинало прорасти внутри. Под звуки мелодии направилась к шкафу – не за халатом, а за своим платьем. Тем самым, не домашним, а с вырезом и движением, в котором она собиралась танцевать в воскресенье.

И она танцевала. Не всерьёз, не для кого-то, а просто так – позволяя телу вспоминать, как это: быть живым, лёгким, чуть-чуть дерзким. Танцевала не ради результата, а ради ощущения – свободы, радости, своей правды.

А в это время, в другой части района, Мария уже ходила по кухне кругами, закручивая в голове тревожные мысли. Пирог ещё не был в духовке, но внутри у неё всё уже кипело – от того, что подружки не собираются, что Клара опять со своими делами, а Нина... будто ускользает. Стала какой-то другой. Слишком тихой. Или наоборот – слишком свободной.

Она на мгновение застыла, потом будто встрепенулась – прошлась туда-сюда по комнате, перебирая мелочи на полке, поправляя уже ровно лежащие книги. Движения были быстрыми, но рассеянными, как будто руки искали, за что зацепиться, чтобы не выдать бурю внутри. Потом резко остановилась и схватила телефон.

– Клара, ты можешь говорить? У меня вопрос. Ну как вопрос... обсуждение. Срочное.

Она даже не дождалась внятного ответа, прежде чем продолжила:

– Слушай, ты видела Нину в последнее время? Она же... ну, как бы это сказать... странная стала.

– В каком смысле странная? – осторожно уточнила Клара.

– Да вся! Ходит, как модель. С прямой спиной, губы красные, одежда будто из журнала. Ты заметила, она даже голос

по-другому ставит? Она мне напоминает женщину, которая собралась на кастинг в сериал. Только без сценария.

Клара засмеялась, но неуверенно.

– Может, она просто хочет пожить для себя? После всего... ну, после потери...

– Ой, да ладно тебе, Клара. Я понимаю – обновить шарфик, купить крем. Но у неё – блеск в глазах. Это подозрительно! И вообще, она ничего нам не говорит. Может, мужика завела? Или... фитнес какой. Только зачем скрывать?

– Наверное, просто не готова делиться.

Мария фыркнула.

– Вот и поговори с человеком. Уходит в себя, а мы тут как дурочки с пирогами. Я думала, мы подруги. А она мне кажется теперь... как будто из другого фильма.

Клара промолчала. А Мария продолжила:

– Я вот что думаю – надо бы устроить встречу. Просто так, без повода. Посмотреть, что с ней. Ты за?

– Если не слишком резко, – вздохнула Клара. – Только давай без допроса.

– Ну конечно, Клара, я же тонко. Я просто – волнуюсь. Очень тонко волнуюсь.

А в это время, на другом конце города, Нина ничего не подозревала. Ни о звонке, ни о «тонкой тревоге». У неё была своя встреча – с собой. Она танцевала перед зеркалом – сначала неуверенно, будто пробуя на себе чужие движения. Потом свободнее. Смелее. В какой-то момент стало даже весе-

ло: она рассмеялась, закружилась, поправила выскользнувший из причёски локон, снова глянула на себя. И вдруг поняла – воздуха в комнате стало мало. Пространства – тесно. Чувства не помещались в четырёх стенах.

Её тянуло выйти. Не убежать – а наоборот, выйти навстречу. Себе. Она накинула пальто, повязала шарф, забыла перчатки, но не вернулась. Дверь за ней закрылась легко, почти без звука.

Парк был пустоват – промозглая осень разогнала большинство прохожих. Но Нина шла по аллее, словно это был её персональный театр. Ветки поскрипывали, листья шуршали, воздух пах палёной листвой и чем-то почти новым – как будто издавлек шёл её собственный сентябрь, не похожий ни на чей.

Она не спешила. Руки в карманах. Пальто расстёгнуто. Ветер трогал шарф – игриво, как будто дразнил: "А ну покажи, кто ты теперь?"

На скамейке она присела, не потому что устала – просто захотелось посидеть в этом моменте. Прохожие шли мимо. Некоторые смотрели. Кто-то задерживал взгляд. И что удивительно – ей это нравилось. Не как раньше – с тоской, с желанием быть замеченной. А просто: "Да, я здесь. Я – есть."

Девушка с собакой прошла мимо, глянув мельком. Парень на самокате притормозил, улыбнулся – может, случайно. А может... Нина слегка кивнула. Сама себе.

Музыка в наушниках из проходящего подростка донес-

лась до неё приглушённо: какой-то бит, энергичный, уверенный. Она вдруг поймала ритм. Стук каблуков внутри. "Жизнь идёт. А я – наконец-то с ней."

Телефон зазвонил, когда она как раз подошла к подъезду. На экране – Мария. Нина нажала на зелёную трубку. Почти не удивляясь. Звонок напрашивался.

– Нина? Алло. Ну ты где вообще?! Голос был острым, как яблочная кожура – вроде бы фрукт, а режет.

– Я тут, – спокойно ответила Нина.

– Ты где «тут»? Мы тебя неделями не видим. Ты где-то пропала, понимаешь? Клара волнуется. Я – вообще в шоке.

– Я просто занята была, Мария.

– А, ну конечно. Таинственная. У тебя что, роман? Или ты выиграла в лотерею и теперь к нам, бедным, не выходишь?

– Ничего такого. Просто... немного переосмыслила.

– Что это вообще за слово такое – «переосмыслила»? Ты теперь кто, философ?

Нина чуть улыбнулась, глядя на облака.

– Мария... всё хорошо. Правда. Просто... я немного живу по-другому.

– По-другому – это как?

– Увидимся – расскажу.

– А, значит, встречу надо заказывать заранее теперь, да? Звезда расписания.

– Ну не обижайся. Я не забываю о вас. Просто сейчас мне важно побыть немного в своём темпе.

Мария замолчала. Потом – сухо:

– Ладно. Буду ждать приглашения. А то я уж, прости, сама не решаюсь – вдруг отвлеку от твоих высоких материй.

– Приглашу.

– Ну, хоть это радует. Пока.

– Пока, Мария.

Нина положила трубку. На сердце – не тяжесть. А лёгкая грусть. Как когда заканчивается старая песня, которую всё равно нельзя слушать вечно.

В квартире стояла тишина – не глухая, а наполненная. Будто стены больше не хранили пустоту, а просто отдыхали. Воздух был тёплым, чуть пряным – то ли от запаха подогретого дерева, то ли от сушёных трав, оставшихся в вазочке на полке. Свет ложился на подоконник мягко, как старое одеяло – не освещал, а укрывал. Шаги звучали глухо, как будто пол знал этот ритм наизусть.

Нина прошла мимо шкафа, остановилась, будто что-то почувствовала. Открыла нижний ящик. Там – маленькая деревянная шкатулка с потёртым уголком и тёплым запахом времени. Внутри – вещи, к которым давно не прикасались: не из равнодушия, а из уважения. Из осторожности. Маленькие "дорогое", спрятанные от суеты.

Внутри – брошь. Небольшая, винтажная, с тусклым стеклом. Муж когда-то дарил её – то ли на юбилей, то ли просто так, мимоходом, на остановке. Тогда это казалось милым. Потом – забылось. Сейчас – снова важно.

Нина достала брошь и приколола к платью. Не на выход. Просто – к себе. Не ради воспоминаний. Не чтобы всплакнуть. А как знак: я была. Я – есть.

Она подошла к зеркалу. Посмотрела. Не на лицо. Не на морщинки. Не на подбородок. В глаза. Они были спокойные. Глубокие. Словно говорили: «Вот теперь – ты.»

Этот взгляд, отражённый в зеркале, как будто ушёл дальше – туда, где другая женщина тоже давно нуждалась в том, чтобы посмотреть на себя по-другому.

5 глава. Истина с блёстками

Мария проснулась рано. На часах – пять двадцать. За окном ещё темно, только фонарь лениво рисовал бледные узоры на шторах, как будто сам сомневался, стоит ли начинать день.

Она встала, щёлкнула свет в ванной, посмотрела в зеркало. Уставшее лицо, но в глазах – упрямый огонь. Не моргнув, произнесла:

– Доброе утро, красавица. Сегодня к тебе придут.

Сказала – и тут же усомнилась в тоне. Повторила фразу с улыбкой. Потом с хрипотцой. Потом с наигранной заботой, как будто репетировала, какой быть хозяйкой. Всё не то.

– Главное, чтобы вообще пришли, – буркнула, вытирая лицо полотенцем. – А то опять окажется, что у одной – стирка, у другой – «настроение не то». Ну конечно. А у меня тут, значит, пирог сам себя печёт и нервы глажены?

На кухне уже ждали: тесто, салфетки, заварка, баночка варенья, перелитая в аккуратную вазочку. Всё – как надо. И всё – с тревогой под кожей. Вдруг не придут? Вдруг напишут, что не могут? Вдруг... забудут?

Она опустилась на табурет, положила руки на колени, будто унимая в себе бурю.

– Глупости. Никто не забыл. Конечно, никто. Просто... вдруг, – проговорила полущёпотом. Как будто, если сказать

«вдруг» достаточно мягко, он не сбудется.

Прошла в спальню. Достала любимый платок. Подобрала к нему ту самую брошь – с голубым стеклом, что берегла для чего-то особенного. Посмотрелась в зеркало, кивнула себе. Потом медленно сняла брошь и отложила в коробочку.

– Слишком торжественно. Чай, не свадьба, – усмехнулась. – Хотя зная нас, это, может, и важнее.

Уже подходя к кухне, вдруг остановилась. Потянулась к шкафу, достала старую записную книжку. Нашла страницу с кривым почерком Нины – рецепт пирога, записанный когда-то, между делом.

– А если им вдруг не понравится? Скажут, пересушила? Подумать могут – ах, Мария опять в усердие ушла... – Она нахмурилась, сжав пальцы. – Но я же стараюсь. И не потому что надо. А потому что хочу.

На мгновение в квартире воцарилась та самая тишина – звенящая, как будто даже холодильник не решался заурчать. И вдруг, с той силой, с какой в ней всегда жили лучшие слова, Мария произнесла вслух, чётко и отчётливо:

– Всё, хватит. Надоело это притворство. Я хочу, чтобы пришли. Чтобы ели, смеялись и остались. Хоть на чуть-чуть. Хоть немного. Я заслужила.

И только тогда, после этих слов, в груди что-то оттаяло. Словно сама комната вздохнула вместе с ней. Она знала: сегодня будет не просто день. Сегодня будет жизнь – с вареньем, пирогом и настоящими разговорами.

Мария хоть и была известна своей крикливостью, ироничными замечаниями и любовью к пересудам, всё это было лишь бронёй. Словесным шумом, которым она пыталась перекрыть собственное одиночество. Она могла накричать на человека в очереди, на продавщицу, на таксиста, на подругу – громко, резко, иногда даже обидно. Но в глубине души она была добрым, ранимым человеком, страдающим от того, что её словно никто по-настоящему не замечает. Её внутренний крик о том, что она есть, часто прятался под сплетнями и сарказмом. Ей хотелось признания, близости, родной души – но она не умела просить об этом напрямую. Уже десять лет, как Мария была вдовой, и эта утрата сказывалась на всём: на том, как она видела людей, как говорила с ними, как заполняла тишину. Кавалеры – те немногие, кто всё ещё попадался на горизонте – её стороной обходили, отмахивались вежливыми фразами, и это её разъедало. От этого она снова пускалась в сплетни, в ор, в театральные сцены – лишь бы заглушить обиду и отчаяние, осевшие глубоко внутри. Она знала, что с этим надо что-то делать. Только пока не понимала – что именно.

Мария предложила подругам встретиться почти буднично: как будто между делом, между закаткой и прогнозом погоды. Но на самом деле она подбирала слова почти два дня. Потом написала коротко, но с прицелом:

"Девочки, в субботу чай у меня. Без отмазок. Я пеку. Жду."

На её удивление – обе согласились. И Нина, и Клара. Обе. В одно и то же время. Словно не судьба, а **нечто подозрительное**.

Для Марии этот день был важен. Не столько из-за пирога, сколько из-за **необъяснимого чувства, что что-то меняется, а она – не в курсе**. Нина отдалилась. Клара – замкнулась. А Мария осталась в центре... без центра.

Она переставляла чашки уже пятый раз, поправляла ска-терть, выравнивала салфетки, отступала на шаг, смотрела – и снова всё передвигала. Нервы ходили ходуном. Поймала своё отражение в дверце микроволновки – расплывчатое, приплюснутое, как будто нарочно издевалось. И тут же зашипела:

– Чего вылупилась? Сама-то когда последний раз нормально грела, а? Всё наполовину, всё через раз! Смотришь на меня, будто я тебе что должна! Холодный чай – это, между прочим, преступление, если ты не знала!

Микроволновка, как водится, промолчала. Лишь слегка щёлкнула корпусом, будто ответила: «Ну и завелась ты, Мария...»

– Вот и молчи, – буркнула она. – Меня сегодня и без тебя хватает. Только попробуй заискрить – выкину к чёртовой бабушке.

После этой вспышки она вздохнула, выпрямилась, снова поймала своё отражение и уже тише, почти ласково пробормотала:

– «Без истерик. Просто поговорим. По-человечески.»

Клара пришла первой. С порога – извинения за опоздание, хотя была на пять минут раньше. Пальто скромное, походка быстрая, будто извинялась каждым шагом. Лицо спокойное, но пальцы сжимали ремешок сумки – она волновалась.

Нина вошла ровно через девять минут. **Без извинений.** С мягкой улыбкой. В пальто, которое сидело так, как будто на заказ. В туфлях на устойчивом каблуке. С походкой, от которой становилось ясно – **она знает, как выглядит её спина со стороны.**

– Привет, Клара, – голос у Нины был тёплым, чуть тише обычного.

– Привет, Ниночка, – откликнулась Клара сдержанно, но не отстранённо. Её взгляд на миг задержался на лице подруги – короткий, мягкий, без слов.

Мария хлопнула в ладоши – чуть громче, чем надо, как будто хотела прогнать тишину:

– Ну вот! Снова в сборе. Три старухи Шапокляк. Осталось только крыску прицепить и по дворам!

Она усмехнулась – громко, нарочно, с вызовом. Но смех не поддержали. Даже она сама поняла – перебор. Он повис в воздухе неловко, как шарик без верёвки.

Они расселись, как всегда: Клара – у окна, Нина – напротив, Мария – между. Только в этот раз между ними лежало не просто полотенце со свежими салфетками и вазочка с ва-

реньем – а тишина, настороженная, почти физически ощутимая. Будто каждая принесла с собой не только пирог и улыбку, но и что-то несказанное. Воздух будто искрил от внутренних пауз.

– Чай с молоком? – произнесла Мария, стараясь сохранить лёгкость. – Или ромашковый, как в «периоды душевной хрупкости»?

Нина выбрала ромашковый. Клара кивнула: ей было всё равно.

Мария не спешила говорить. Сначала разлила чай – сосредоточенно, почти торжественно, как будто церемония должна расставить всё по местам. Чашки звякнули. Ложечки легли рядом. Пар поднимался в воздух, пытаясь немного смягчить напряжение.

Мария села. Сложила руки перед собой, взглянула по очереди на обеих. В голосе её зазвенел тон, в котором всегда пряталась тревога:

– Ну и рассказывайте, дорогие. Как живёте? Что происходит? А то я вас теряю. Ощущение, будто одна переехала в другую галактику, а вторая в себя провалилась и пропала.

Нина сделала глоток. Улыбнулась – быстро, почти автоматически.

– Я просто немного была занята.

– Ага, – протянула Мария, в голосе скользнуло тонкое напряжение. – И судя по глазам – занята чем-то очень... оживляющим. Ну, давай. Ты влюбилась? Муж? Или сразу всё?

Только не томи, я старая, могу не дожить до развязки.

Она попыталась рассмеяться. Смех вышел неровным, коротким – скорее сбоем, чем весельем. В нём была не шутка – защита. Страх остаться за дверью чужой перемены.

Нина посмотрела на неё – внимательно, спокойно. Потом перевела взгляд на Клару. Та сидела сдержанно, почти неподвижно, будто боялась пошевелиться и сбить хрупкое равновесие. Всё в ней говорило: я слушаю. я жду.

И только тогда Нина сказала – почти театрально спокойно, но без притворства:

– Я хожу на бурлеск.

– На что?! – Мария почти подпрыгнула на месте. Ложечка, которой она мешала чай, звякнула о край чашки. Брови взлетели. Плечи подались вперёд, как будто она не расслышала или не поверила.

– На бурлеск, – повторила Нина, всё так же спокойно. – Танцы. Женские. На каблуках. С пластикой.

Клара молчала. Только губы чуть приоткрылись – словно хотела что-то сказать, но не смогла. Глаза её округлились, и в них смешались изумление, осторожность и... любопытство. Очень живое.

Мария откинулась на спинку стула, глядя на подругу, как на головоломку, которую никто не просил решать.

– Ну ничего себе... – протянула она, вытягивая слова, будто переводила их с другого языка. – Значит, пирог мимо, зато перья – в самую точку?

– Это не про перья, – мягко ответила Нина. – Это про ощущение себя. Про то, как перестать быть фоном в собственной жизни.

Клара тихо вздохнула. Её голос прозвучал почти застенчиво:

– Ты... одна туда пошла?

– Да.

– И тебе не... страшно?

– Было. Но потом – стало в радость.

Мария вцепилась в чашку обеими руками, как будто в якорь. Глаза у неё блеснули – не от слёз, а от того самого чувства, когда что-то важное происходит прямо при тебе, но без тебя.

– А мы, значит, в пролёте. Ни слуху, ни духу. Ты тут себе шоу устраиваешь, а мы с Кларой думаем, не заболела ли ты. А ты – в ритме ночи, да?

Нина посмотрела на неё без укола. Спокойно. С теплом. Как человек, который больше не боится быть собой – даже если его не сразу поймут.

– Я не рассказывала, потому что не хотела оправдываться. Это – для меня. И это не тайна. Просто... не привыкла делиться всем.

Мария стиснула губы.

– Ну, что ж. Главное – чтобы ты была счастлива. А мы тут посидим, как зрители.

Клара повернулась к Нине. Глаза у неё были мягкие. Сму-

щённые, но не осуждающие.

– А как ты решилась?.. Я... я давно хотела что-то сделать. Только всё "потом". А ты – сделала.

– Не сразу, – усмехнулась Нина. – Но пришла. И встала перед зеркалом. А дальше – уже не могла не идти.

Мария вышла из кухни в комнату, направилась прямоком к серванту – к тем самым красивым тарелкам, которые обычно доставались только «на праздники» или «когда важные гости». А сейчас, судя по всему, именно такой случай.

– Ну раз у нас тут богини за столом, – пробурчала она с деловым видом, – пора уже шампанское подавать и на карете катать. Хотя бы пирог на фарфоре выдержите, раз уж у вас теперь новая эпоха началась.

Она усмехнулась, но в этой усмешке уже не было привычной колкости. Скорее – лёгкое, почти застенчивое удовольствие. Участие. Желание быть с ними – не фоном, не ведущей, а просто частью. Здесь и сейчас.

Потом всё как будто само собой развернулось: несколько глотков тёплого чая, пара невинных шуток, тихий смех, воспоминания, которые раньше звучали иначе – с остротой, с уколом, а теперь мягко, как старый плед.

Когда они замолчали, на столе уже стояли пустые чашки, лежали тонкие крошки от пирога и чувствовалась... тишина. Не пауза. А именно – тишина. Такая, в которой что-то выравнилось. Что-то между ними встало на своё место. Она была новой. Не неловкой. А честной. Та тишина, в которой

можно говорить не словами – а взглядом.

Клара вздохнула. Протянула руку к салфетке, будто чтобы вытереть крошки – но на самом деле, чтобы дать себе секунду подумать. Чтобы не спугнуть этот хрупкий, но такой настоящий момент.

– Знаешь... – сказала она тихо. – Я никогда бы не подумала, что ты на такое решишься. Но ты выглядишь... как будто вернулась. Издалека.

Нина слегка наклонила голову.

– Я и сама не думала. Просто однажды посмотрела в зеркало – и поняла, что там никого нет. Только тень. Я решила потихоньку её возвращать.

Повисла короткая пауза. Нина взглянула на Клару – мягко, внимательно, с тем редким видом, когда женщина зовёт не в танцы, а в свою внутреннюю свободу.

– Хочешь... приходи к нам? Просто на одно занятие. Никто не заставляет ничего. Просто посмотришь. Там не сцена, там зеркало. Очень честное. Очень доброе.

Клара прикусила губу, опустила глаза.

– Я... я не знаю, смогла бы. У меня же всё расписано: стирка, ужин, внуки. И... кто меня туда пустит? Там, наверное, только такие... красивые. Смелые. Без живота.

Нина протянула руку, чуть накрыла её пальцы.

– Там просто женщины. С самыми обычными страхами. Но все – пришли, чтобы вспомнить, как это: быть собой. Не для кого-то. Для себя.

Клара посмотрела в сторону кухни, где гремела посудой Мария. Потом – снова на Нину.

– А если... я попробую? Не в перьях. Просто... посмотреть?

Нина улыбнулась.

– Приходи. Я тебя сама встречу. Мы начнём с зеркала. Без блёсток. Просто ты.

Когда часы на стене пробили восемь, Клара первой потянулась к сумке. Как бы невзначай. Не спеша застёгивать, не торопясь уходить – просто прикосновение, будто знак. Как будто именно с этого движения что-то и началось.

– Нам, наверное, пора. У меня ещё глажка, и курица в духовке... наверное, уже остывшая.

Сказано было с улыбкой, но взгляд Клары метнулся к Нине: *«Ты пойдёшь?»*

Нина кивнула.

– Да. Мне тоже пора. Завтра рано вставать.

Мария замерла у раковины, держа в руках грязный нож.

– Уже уходите? А я думала, мы вечер устроим. Как раньше.

В голосе проскользнула нота – не упрёк, но та, что обычно звучит, когда пирог подгорает: не злость, а разочарование.

– Спасибо тебе, Мария, – мягко сказала Клара, вставая. – Всё было вкусно. Как всегда.

– И уютно, – добавила Нина. – Правда.

– Ну-ну, – фыркнула Мария, поджав губы. – Пироги мои,

конечно, не бурлеск. Но ничего. Главное, чтобы теперь у вас всё было «по-своему».

Нина не обиделась. Только посмотрела тепло:

– «По-своему» – это не против вас. Это просто, наконец, за себя.

Они накинули пальто. Клара немного замешкалась у зеркала, поправляя шарф. Мария стояла у двери, будто вахтёрша, охраняющая границу между собой и тем, что от неё уходит.

– Я вас провожать не буду. Я тут... посуду мою. И без «драмы», – добавила с улыбкой, в которой было слишком много зубов и слишком мало сердца.

– Спасибо за вечер, Мария, – сказала Клара у порога.

– До скорого, – тихо добавила Нина.

Они вышли. Дверь мягко захлопнулась за их спинами. Мария осталась одна – посреди кухни, где пахло корицей, лежали крошки от пирога и витала тишина, в которой раньше смеялись, перебивали друг друга и чуть-чуть спорили. Мир, казалось, тронулся с места. А она осталась – как человек на перроне, машущий вслед уходящему поезду, не зная, уезжает ли он навсегда.

Дом был тих. Нина сняла пальто, поставила туфли ровно, аккуратно – как будто благодарила их за вечер, в котором не пришлось быть удобной. Только – собой. Она прошла в спальню, присела на край кровати, достала телефон.

На экране мигало новое сообщение.

Лея:

«Как ты себя чувствуешь после "разоблачения"?»

Нина усмехнулась. Сладко, устало. Пальцы сами набрали:

Нина:

«Словно впервые не прячу свет. Даже если он кого-то ослепляет.»

Ответ пришёл почти мгновенно.

Лея:

«Значит, он настоящий.»

Нина уже хотела отложить телефон, когда тот снова завибрировал. Другой чат. Имя на экране – **Клара**.

Клара:

«А ты знаешь... я подумала. Может, я смогу освободить один вечер. Если не надо сразу в перья...»

Нина улыбнулась. Медленно, глубоко – так улыбаются ночью, когда никто не видит и притворяться уже не надо. И тут же написала:

Нина:

«Просто приходи. Мы начнём с зеркала.»

Она выключила экран. И впервые за долгое время уснула с мыслью, которая греет лучше пледа: Может, я не просто одна. Может, я – первая.

6 глава. Стыд и трепет

Клара проснулась раньше всех. Не от звуков, а от мысли – почти шороха – что сегодня будет не как всегда.

Дом ещё спал. Муж сопел в кресле перед телевизором, который снова не выключил. На экране – замерший кадр с прогнозом погоды. Голос диктора был едва слышен, как отдалённый гул чужой жизни. На кухне – тишина. Только холодильник гудел, как фоновая нота прошедших лет, в которых всё всегда было по расписанию.

Она прошла в ванную, стараясь не скрипнуть дверью. Умылась холодной водой – та щёлкнула по коже, как первое утреннее осознание. В зеркале – знакомое лицо. Уставшее. С тонкими складками у рта и чуть потускневшими глазами. Но... будто в ожидании. Не испуга. А чего-то... возможного.

На цыпочках вернулась в спальню. Из шкафа достала чёрные брюки – не парадные, но удобные, с мягкой посадкой. Выбрала кофту без рисунка, с округлым вырезом. Простую. Нейтральную. Потом... остановилась.

Рука потянулась к другому ящику. К тому, который не открывался месяцами. Где, между старой бижутерией и платками, лежали балетки с блёстками. Почти новые. Почти забытые.

Она взяла их осторожно, словно кто-то мог услышать. Завернула в полотенце – не от холода, а от чувства, что прячет

не обувь, а часть чего-то хрупкого, только зарождающегося. Положила в сумку и на секунду замерла, будто прислушиваясь — не к звукам, а к себе.

И в этот момент в проёме двери показалась сонная фигура. Сын. В футболке и шортах, с мятой макушкой и припухшими глазами. Видимо, снова просидел за компьютером до рассвета.

— Мам... — протянул он, зевая. — А суп будет?

Она вздрогнула — не от страха, а от неожиданности. Сжала полотенце с балетками в руках, будто прятала доказательство бегства.

— Будет, — сказала спокойно. — Разогрей вчерашний. Там ещё остался.

— А ты куда? — он почесал затылок, всё ещё не до конца проснувшийся.

— В аптеку.

— А чего так рано?

— Лучше идти рано, — отрезала она, чуть улыбнувшись.

Он пожал плечами и потащился обратно, волоча тапки.

Когда шаги стихли, Клара опустилась на край кровати. Сумка стояла рядом, распахнутая, как будто ждала. Она посмотрела на свёрток в руках — балетки с блёстками, уже спрятанные в полотенце, как в кокон. И аккуратно положила их внутрь. Осторожно, как будто прятала не просто обувь, а первый, дрожащий шаг в неизвестное.

Сумка тихо захлопнулась. И в комнате снова стало спо-

койно. Но теперь – по-другому. В этой тишине уже что-то двигалось.

Клара встала у зеркала в прихожей. Поправила воротник. Провела рукой по волосам, пригладила выбившуюся прядь. Посмотрела себе в глаза. Неуверенность ещё там была. Но страха уже не было. Лишь тишина внутри, как накануне большого решения.

Сегодня – она будет делать что-то только для себя. Тихо. Без афиш. Так, чтобы никто не понял. Но это и было самое важное.

Она взяла сумку. Оглянулась – на секунду. Потом открыла дверь. И вышла.

Клара вошла в зал несмело, будто ступала не в танцевальную студию, а в чужой сон. Запах дерева, лёгкий свет, отражённый в зеркалах, мерцающий текстиль у стены – всё казалось одновременно уютным и опасным, как территория, на которую она вроде бы не имела права, но всё же рискнула войти.

Она сделала шаг – и замерла.

У зеркала стояла Нина. В чёрной майке и лосинах, с аккуратно собранными волосами, с лицом, которое светилось. Она смеялась, что-то рассказывала инструкторше, и двигалась легко, свободно – как будто всегда была здесь.

Клара уже собиралась шагнуть к ней... но вдруг увидела её.

Мария. В тёмных брюках и свободной кофточке, будто бы

«на всякий случай». Стояла немного в стороне, скрестив руки на груди, как охранник собственной неуверенности. Губы поджаты. Взгляд – настороженный. Не осуждающий – скорее, прячущий растерянность.

Клара невольно ахнула – почти беззвучно, но достаточно, чтобы почувствовать, как внутри что-то сжалось и расправилось одновременно.

«Мария? Здесь?»

Никто ей не говорил. Ни намёка, ни полуслова. И именно поэтому это было... страшно. И странно. И в то же время – почему-то правильно. Как будто каждый из них пришёл не за другим, а за собой – но всё равно пересеклись.

Клара остановилась, не зная, куда себя деть. Её заметили не сразу.

– Клара?! – первой откликнулась Нина. Улыбка – настоящая. Радость – без пафоса. – Ты пришла!

Клара кивнула, чувствуя, как жар поднимается к щекам.

– Я... просто посмотреть.

– Ну, троица в полном составе, – пробурчала Мария, всё ещё стоя в своей закрытой позе. – Осталось только барабан и фанфары.

Клара моргнула, чуть наклонив голову.

– Мария, а ты... почему ты здесь?

Та фыркнула.

– А что? Думаешь, у вас с Ниной тут будут тайные сговоры, а я пирог резать? Слышу я прекрасно, как вы у меня

в гостиной шушукались. "А если я попробую?" – "Просто приходи. Мы начнём с зеркала." – передразнила она, но без злобы.

– Я утром Нине позвонила. Говорю: что за танцы у меня под носом, а я вне игры? Ну и решила – приду. Посмотрю.

Мария расправила плечи, будто от этого всё сразу стало более разумным.

– Но только посмотреть. Потому что это, между нами, это полная чушь. А когда я зашла и увидела тут вот этих... девиц, у которых ноги, как у фламинго, – только убедилась. Не моё.

– Мария, – сказала Нина мягко, – мы ведь просто пробуем. Без формальностей.

– Пробуем, – кивнула та, уже менее колючая. – Только я – без блеска. В рабочем порядке. Чисто разведка.

В этот момент к ним подошла Лея – легко, с тёплой, настоящей улыбкой. Взгляд – открытый, безоценочный.

– Добро пожаловать. У нас сегодня день чудес, похоже. Вы все вовремя. Сегодня будет очень мягкое занятие. Просто движение, просто дыхание.

Она посмотрела на Клару чуть дольше, чем на остальных.

– Добро пожаловать. И добавила тише: – Здесь не спрашивают, зачем вы пришли. Здесь рады, что вы – пришли.

Клара кивнула. И впервые за день **почувствовала, что может остаться.**

Музыка началась тихо. Мягкий ритм, будто сердце учи-

лось биться по-новому.

Клара встала у стены. Не в центре. Так, чтобы не мешать. Лея показала первые движения – лёгкие, почти интуитивные. Клара повторила. Сначала неловко. Потом – чуть лучше. **Нога скользнула, плечо повело**, а потом она вдруг поняла – да, это тело. Её. И оно **ещё может**.

Мария стояла с краю, будто случайно оказалась в зале. Она делала всё формально: шаг – поворот – наклон. Но в каждом движении была **неловкость, натянутость**, будто танец проходил через броню. Она старалась не смотреть в зеркало, но взгляд всё равно соскальзывал – и каждый раз ловил **Клару**.

Клара двигалась не идеально, но искренне. **Не красиво – но живо.**

Мария сжала челюсть. Попробовала повторить резче, точнее. Но рука дрогнула. Нога сбилась. И всё внутри запульсировало раздражением: *«Я не хуже. Я тоже могу. Просто давно не делала. Просто... просто...»*

Нина стояла чуть впереди. Она уже знала музыку. Тело шло за ней. Линии были мягкими, движения – уверенными. Но она всё равно поворачивалась – смотрела на подруг, подбадривала взглядом, мягким кивком. Без слов говорила: **"Я с вами."**

Трое. Разные. И всё же – вместе. В какой-то момент они оказались **рядом у зеркала**. Нина – уверенная, но спокойная. Клара – сосредоточенная, чуть испуганная, но с блеском

в глазах. Мария – скованная, но с напряжённым упорством, которое **кричало: «не отстану!»** даже если тело подводит.

Они смотрели на себя – и на других: молодых, гибких, сверкающих смехом и уверенностью, в которых не было ни капли стыда.

– **Сравнивать – бессмысленно,** – вдруг сказала Лея, подойдя ближе. – **Каждая из вас – музыка. Просто с разным темпом.** Она посмотрела в глаза Марии. Та отвела взгляд. Клара – наоборот – подняла подбородок чуть выше.

Музыка шла дальше. И с ней – **движение. Неровное. Но своё.** Музыка стихла, но никто сразу не разошёлся. Пространство в зале будто **пропиталось чем-то невидимым** – дыханием, шагами, взглядами, в которых больше не было страха.

Клара присела на лавку, вытирая лоб платком. Щёки горели, но не от стыда – **от живости.** Она посмотрела на свои руки, на ноги, ещё немного дрожащие, и вдруг поймала себя на мысли: *«Я всё это сделала. Я... здесь.»*

Неподалёку Мария поправляла кофту. Дышала глубоко, как будто пыталась **вытолкнуть раздражение, что не всё получилось,** и вдохнуть что-то новое. Она посмотрела на девушек, что до начала казались ей «слишком»: слишком молодые, слишком яркие, слишком... **легкомысленные.** А теперь одна из них подошла, подмигнула Марии:

– У вас классные руки! Вы так пластично двигались, прям как в кино.

Мария дернулась. Хотела что-то отрезать. Но не смогла. Только хмыкнула.

– Да ладно тебе. Я вообще-то думала, позорюсь тут.

– Позоритесь? Да вы тут больше драйва дали, чем половина нас. Респект!

Рядом другая – та, с хвостиком и золотыми кроссовками – подошла к Кларе:

– Вы очень крутая. Я так хотела, чтобы моя мама так решилась. Серьёзно.

Клара опустила глаза, но не от стеснения – от **переполненности**.

– Спасибо... – прошептала она. – Я не думала, что меня тут вообще заметят.

Нина стояла в углу, облокотившись на стену, и смотрела на своих подруг – не как на старых знакомых, а как на две новые вселенные, только начинающие светиться изнутри. Она улыбалась – без слёз, без надрыва, просто с тёплой, глубокой гордостью за них и за этот момент.

Лея подошла к ней.

– Вижу, вы сегодня не только сами танцевали... но и зажгли ещё два сердца.

– Они сами. Я просто шла первой.

Мария в этот момент оглянулась. Увидела Нину. Их взгляды встретились. Мария ничего не сказала. Но **не отвела глаза**. И это было уже **очень много**.

Клара вдруг прошептала:

– Можно я... ещё минут десять посижу?

– Конечно, – улыбнулась Лея. – Это пространство теперь и твоё тоже.

Город уже проснулся – в окнах зажглись кухни, шуршали маршрутки, кто-то выгуливал собаку. А фонари всё ещё не погасли, будто решили остаться ненадолго – для тех женщин, которые только что вернулись к себе.

Они шли втроём. Клара – с румянцем и приподнятыми плечами. Мария – немного напряжённая, но уже **не такая колючая**. Нина – между ними, как **молчаливое доказательство того, что перемены бывают настоящими**.

– Я, конечно, была уверена, что ноги у меня ещё ничего, – фыркнула Мария, – но теперь поняла, что надо их как-то уговорить больше не стонать.

– А я думала, что у меня всё сломается, – засмеялась Клара. – Но вроде бы ничего не отвалилось. Даже наоборот – как будто всё проснулось.

– Вы обе были шикарны, – сказала Нина. – Особенно в тот момент, когда забыли, кто и как на вас смотрит.

Они засмеялись. Уже **по-настоящему, громко, с хрипотцой**, как смеются те, кто **давно не позволял себе звучать**.

Проходя мимо витрины обувного, они остановились. В самом центре, освещённые как главные героини сцены, стояли туфли. Ярко-зелёные, почти кислотные, усыпанные блёстками. Острый нос, тонкий ремешок, каблук – не высокий, но

вызывающий. Эти туфли не просились быть удобными. Они звали. Дерзко. Прямо. Почти как шепот: «А ты осмелишься?»

– Смотри, – Клара ткнула пальцем в витрину. – Вот если бы мне кто-нибудь сказал месяц назад, что я буду хотеть туфли на каблуке...

Нина улыбнулась:

– А сейчас?

Клара чуть вздохнула, но не отвела взгляда от туфель:

– Сейчас... я просто хочу.

К ним подошла Мария.

– А вот эти, чёрные. С глянцем. Ух. Как у киношных разведчиц.

– В тебе точно есть что-то от шпионки, – усмехнулась Нина.

Мария хмыкнула:

– Ну да. Только пока не ясно – с какой стороны.

Они пошли дальше, медленно, почти не торопясь. Переговариваясь вполголоса, обсуждали губные помады – у кого какая держится лучше, и можно ли сочетать сливовый с бронзовым.

Мимо прошёл мужчина. Бросил на них мимолётный взгляд.

Клара чуть смутилась и опустила глаза. Нина заметила, подмигнула:

– Что, взгляд поймала?

– Он просто смотрел в нашу сторону, – пробормотала Клара.

Мария усмехнулась, не сбавляя шага:

– В сторону женщин, которые умеют светиться.

Они дошли до перекрёстка. На секунду замерли, как будто никто не хотел говорить первым. Тишина между ними была не пустой, а наполненной.

Клара первой нарушила её:

– Мне не хочется домой.

– Знаю, – тихо кивнула Нина.

Мария вздохнула и сказала почти неуверенно:

– А мне... не хочется, чтобы это было разово.

Нина посмотрела на них обеих:

– Так и не будет. Если вы не позволите себе исчезнуть.

Они обнялись. Без пафоса. Просто – как женщины, которые знают, что быть рядом друг с другом – это тоже выбор и разошлись. Каждая – в свою сторону. Но шли они уже другими улицами. Даже если это были всё те же самые.

Клара открыла дверь так, будто боялась спугнуть то новое, что только-только появилось в ней самой. Ни один стул не скрипнул, ни один голос не окликнул её по имени. Дом дышал по-прежнему – телевизор шумел за стенкой, на столе валялись чьи-то носки, а на плите, как всегда, стояло что-то недоеденное. И всё было вроде бы так же.

Но в Кларе – нет.

Она аккуратно сняла пальто, разулась, и пряча в сумке

свёрнутые в полотенце балетки, прошла мимо кухни, стараясь не встретиться взглядом с сыном. Он даже не заметил – слишком был занят собой. Это, пожалуй, даже облегчало задачу. Её никто ни о чём не спросил.

А она и не собиралась ничего объяснять.

В комнате Клара присела на край кровати, сбросила футболку, и только тогда позволила себе улыбнуться. Совсем чуть-чуть. Почти незаметно. Просто потому, что **сегодня она сделала что-то только для себя.**

Тем временем Мария, зайдя в свою квартиру, будто нарочно громыхнула дверью, как сигнал: «Я – дома. Не трогать. Но замечать!» Тапки полетели в одну сторону, сумка – в другую, всё по привычному маршруту.

И всё же, что-то в её движениях было другое. Невыносимо хочется сохранить лицо – но тело уже знает: **что-то пошло трещиной.**

Она остановилась у зеркала, посмотрела на себя.

– Чудо в перьях, – пробурчала. Повернулась боком, попробовала выпрямить спину – и неожиданно поймала в зеркале **женщину, у которой ещё может получиться.**

Не снимая пальто, включила музыку в телефоне – похожую на ту, под которую двигались в зале. Сделала шаг. Потянулась. Руку вверх. Плечо. Неловко. Механично. Но не остановилась. И в этом было больше честности, чем в её острых фразах.

А Нина, в отличие от них, вернулась домой как в гнездо,

где уже давно **обжила новое "я"**. Дома было тихо. Никто не ждал, и в этом не было ни капли горечи.

Она поставила чайник, достала свою любимую чашку с трещинкой сбоку и насыпала чай – не торопясь. Всё было по ритуалу. Не от скуки. А от **внутренней радости, которую не хотелось расплескать.**

Села у окна, прижала ладони к горячей чашке. На улице фонари. Где-то смех. Прохожие. А здесь – **тишина, в которой ей не одиноко.**

Она улыбнулась.

И, будто по команде, в ту же секунду **Клара в своей комнате откинулась на спинку кровати**, прикрыв глаза с таким же выражением на лице.

Мария, делая движение бёдрами перед зеркалом, вдруг тихо, почти беззвучно, хмыкнула – и это тоже была улыбка. Сдавленная. Но всё-таки.

Они были в разных квартирах. С разными окнами. С разными судьбами. Но этой ночью **каждая из них легла спать с ощущением**, что она чуть-чуть сместила свою жизнь. Не резко. Но **в сторону себя.**

7 глава. Важное событие

Зал дышал зеркалами. В этот вечер он казался особенно тёплым – не от температуры, а от того, как женщины входили не с тревогой, не с сомнением, а с лёгкой, почти детской радостью: «Я здесь. Мне – можно».

Нина зашла первой. Как всегда – чуть раньше всех, с расправленными плечами, прямой спиной и блеском в глазах. Уверенность была не показной, а внутренней – той, что приходит, когда перестаёшь бояться своей силы.

Клара – следом. Уже не в тени, не на цыпочках, но и не напоказ. В руках – новый блокнот. Чистый. С обложкой, которую она долго выбирала. Она бы не призналась, но купила его нарочно: «Вдруг пригодится».

Мария вошла последней. Серьги – как знаки отличия. На лице – выражение «мне всё равно, просто мимо проходила». Но внутри... она была вся готова – чувствовать. Только бы никто не догадался.

Занятие началось. Лёгкая разминка, пара новых связок. Лея двигалась мягко, как будто не вела, а вплетала каждую в общую ткань движения. Всё шло ровно. До момента, когда она вдруг остановилась.

Подошла ближе к центру. Сделала паузу. В зале сразу стало тише – не из вежливости, а от предчувствия. Как будто сейчас будет сказано нечто важное. Не про корпус. Не про

технику. А про них.

– Девочки. Женщины. Богини, – начала Лея с лёгкой улыбкой. – У нас есть новость. И я знаю, она встряхнёт. Всех. Но это хорошее встряхивание.

Она замолчала. Все замерли. Словно в эту секунду каждая решила: если это действительно про меня – я не отступлю.

– Через месяц в нашей студии пройдёт вечер. Маленький праздник. Открытый показ. Мы не называем его конкурсом – это скорее сцена любви к себе, – сказала Лея, обводя взглядом зал.

Повисло молчание. Чистое, звонкое. Кто-то завозился. Кто-то рассмеялся – с облегчением, с волнением, как после признания. А кто-то просто замер – как от удара током, неожиданного и точного.

– Участвовать не обязательно. Никто никого не тянет. Но если у вас появится желание – вы можете выступить. Сольно. В паре. В группе. Мы подготовим костюмы. Музыку. Свет. Но главное – создадим пространство, где не страшно быть собой. Где можно выйти и не прятаться. Где честность – это не слабость, а свобода.

Нина почувствовала, как у неё пересохло в горле – не от страха, а от предвкушения. Клара сглотнула, не отрывая взгляда от пола. А Мария дёрнула плечом – резко, как будто стряхнула что-то со спины.

– Вот и всё, – сказала Лея тише, возвращаясь к центру. – Танцуем дальше. А кто захочет – подойдёт ко мне позже.

Или... просто посмотрит в зеркало. И поймёт.

Музыка снова заиграла – та же, но теперь звучала иначе. Потому что вопрос уже прозвучал. И каждая знала: ей придётся на него ответить. Пусть не сейчас. Пусть даже не вслух. Но – честно.

Урок закончился, но никто не спешил уходить. Женщины задерживались у зеркал – как будто отражения не отпускали. Кто-то делал фото. Кто-то – поправлял волосы. Кто-то стоял, не двигаясь, и смотрел в стекло как в окно, за которым, возможно, начиналась другая жизнь.

"А вдруг... я тоже смогу?"

Нина вытирала шею полотенцем, лицо её горело от вдохновения.

– Это... это же гениально, – прошептала она Кларе. – Показ. Сцена. Свет. Живое дыхание!

Клара сжала в пальцах резинку от волос.

– Я не знаю... Это красиво. Но это же... сцена. Публика. Люди.

– Не сцена, – поправила Нина. – Свобода. Просто под светом. Наконец – не прятаться.

Сзади раздался голос Марии:

– Вот только драмы не хватало. Теперь ещё и представление.

Она взяла сумку с лавки, резко закинула на плечо, как броню.

– Мы сюда пришли двигаться, а не корону примерять.

– А ты боишься? – спросила Нина спокойно. Без нажима. Мария фыркнула.

– Я? Я вообще сюда случайно хожу. Просто ноги размять.

– Но всё же ходишь, – заметила Клара. Тихо. – А теперь есть шанс показать, что не зря. Хоть самой себе.

Мария задержалась у зеркала. Посмотрела на себя – не прямо, а как бы краем глаза, будто боялась встретиться с кем-то, кто жил в отражении.

– Ну не знаю. Я в этом возрасте уже показываю только паспорт в аптеке.

Нина усмехнулась, но с теплом:

– Если ты передумашь – я с тобой в пару хоть завтра.

– А я с вами – только если с дым-машиной и занавеской перед лицом, – буркнула Мария. Но уже не так резко.

Они рассмеялись. Все трое. Смех прозвучал легко – но в нём дрогнуло. В каждой. Потому что за шуткой прятался вопрос: а вдруг... действительно?

На улицу они вышли не так, как обычно. Медленно. Словно у каждой теперь за плечами была не просто сумка – а сцена, на которую нужно решиться выйти.

Нина шла первая. Глаза светились. Она уже знала – **пойдёт. И, возможно, поведёт за собой.** Клара – колебалась. Но внутри появилось «а вдруг». Мария шла последней. И, хотя хмыкала и ерничала, рука её крепче сжимала лямку сумки, а взгляд то и дело **возвращался к той самой мысли, которая начинала ей мешать спать.**

Дом встретил Клару привычной прохладой и запахом ужина, который кто-то не доел. На кухне – кастрюли. В гостиной – муж в носках и с пультом в руке. Всё, как всегда. Никто не заметил, что в её глазах появилось нечто новое.

Она разулась, молча сняла пальто, прошла в спальню. Тихо. Чтоб не привлечь внимания. Закрыла за собой дверь. Встала у зеркала.

Смотрела. Долго. На себя – в свитере, с тенью под глазами, с шеей, которую раньше старалась прятать.

"Сцена... ну вот ещё. Ты? Клара? Куда тебе. У тебя ужин не доварен, а ты про софиты мечтаешь."

Мысль – как щелчок. Привычная. Знакомая. Но сегодня... она не вызвала покорности. Сегодня внутри что-то возразило.

Клара медленно открыла ящик. Достала балетки. Те самые – с блёстками. Те, что должны были лежать и ждать «никогда». Села на край кровати. Поставила их у ног. Обувь стояла, как молчаливый вопрос.

"А вдруг?.."

Она встала. Надела их. Подошла к зеркалу. Медленно. Почти на цыпочках. Сделала шаг. Повернулась. Развела руки. И вдруг – заплакала. Не всхлипом. Не бурей. Просто – слёзы. Как отпечаток чего-то очень хрупкого и важного.

Потому что ей очень хотелось. И очень боялось. И всё это – впервые – было о ней самой.

"Я не знаю, смогу ли... Но я больше не хочу только смот-

реть, как другие идут вперёд."

А в это время – совсем в другой квартире – Мария с шумом бросила сумку у входа и резко дёрнула шнур от торшера. Свет вспыхнул, оголив всё без прикрас: пыль на подоконнике, чай в кружке со вчерашнего вечера, зеркало у шкафа – в полный рост.

Она прошла мимо, не глядя. Но на третьем шаге остановилась. Повернулась. Взглянула.

– Ну, – сказала себе. – Ну что? Живёшь. Ходишь. Никто не умер. Никто не восхитился.

Тишина ответила отсутствием аплодисментов. И это – разозлило.

Мария включила музыку. Ту самую – из зала. Танцевальную. С намёком. Тело тут же напряглось, будто под боевой марш. Сделала шаг в сторону. Поворот. Руку вверх. Споткнулась. Сбилась. Замерла.

– Гребаная сцена, – прошипела она. – Гребаные каблуки. Гребаная драма.

Выключила музыку. Комната сразу наполнилась той самой тишиной, от которой нет укрытия.

Мария стояла перед зеркалом. Смотрела не на женщину – на доказательство времени. На отражение, которое не врёт.

"Ты боишься сцены не потому, что свет. А потому, что там не спрячешься. Там видно – насколько ты одна. Насколько ты хочешь, чтобы тебя просто... увидели."

Она подошла ближе. Вгляделась в глаза.

– Ты не злишься на Нину. Ты злишься, что ты – не она. Ты не колешь Клару. Ты боишься, что она первая прыгнет, а ты так и останешься внизу. Ты не против сцены. Ты против того, что тебя могут не позвать.

Мария села на край кровати. Молча. Сняла серьги. Смотрела в пол. Долго.

"Если я пойду... Это будет война. Но хоть не против себя."

Поздний вечер. За окнами – один и тот же город, один и тот же холодный воздух. Но внутри – три женщины. Разные. Каждая – в своей тишине, перед своим зеркалом, перед своим выбором.

У Нины телефон загорелся, когда она уже лежала под пледом, с книгой на коленях. Сообщение было от Леи:

«Ты не должна быть лучшей. Ты должна быть собой. А этого – уже достаточно.»

Нина улыбнулась. Не потому что сомневалась. А потому что было приятно – когда тебя видят целиком. Она набрала в ответ:

«Я иду. Спасибо, что первая увидела.»

У Клары экран вспыхнул в тот момент, когда она складывала балетки обратно в ящик. Не отказывалась – просто боялась, что кто-то узнает. Что подумают. Что засмеются. Сообщение глянуло ей в душу:

«Ты не опоздала. Ты пришла – вовремя. Твоя сцена ждёт тебя.»

Клара сжала телефон. Потом положила на экран ладонь – осторожно, будто боялась потерять эти слова. Она не ответила. Только прошептала в пустоту:

– Может быть... да.

У Марии телефон зажужжал, когда она в третий раз подошла к зеркалу и уже устала – не от мыслей, а от самой себя. Сообщение было коротким, без прикрас:

«Вы можете не верить в себя. Пока. Я – верю. Пока – за вас.»

Она не села. Не улыбнулась. Не заплакала. Просто стояла. Смотрела. И не выключала экран. Минуту. Две. А потом положила телефон на тумбочку и легла. В полной тишине. С открытыми глазами.

В это воскресное утро они собрались не чтобы тырндеть, не чтобы жаловаться на спины, соседей и стиральные машины. Они пришли просто побыть собой – в, возможно, лучшем обществе на земле: в обществе женщин, которые когда-то почти забыли, какие они живые. На столе стоял чайник, в чашках парила ромашка, в вазочке – малиновое варенье. Они не говорили много. Только движения: кто-то поправил шарф, кто-то выровнял помятую салфетку, кто-то чуть дольше держал кружку в ладонях. В этой тишине чувствовалось больше, чем в любом заявлении.

Именно в это утро они решили: они пойдут. На конкурс, на сцену, в свет, в глупость, в свободу – всё сразу. Не было ни тостов, ни речей. Только тёплый чай, лёгкий вздох –

как будто кто-то невидимый снял с их плеч старое, тяжёлое «не положено». Решение не прозвучало вслух. Но оно чётко проступало через пар над чашками, в мимолётном взгляде на малиновое варенье, в лёгком смехе, который родился сам. Они просто встали. И уже не разошлись.

8 глава. Аккорд

В студии пахло тканью, деревом и чем-то новым – неуловимым, как начало перемен. В воздухе висело не вдохновение и не страх, а то особое состояние, когда из хаоса движений, взглядов и слов вот-вот начнётся нечто целое. Что-то, что ещё не имеет формы, но уже дышит. Как начало чуда.

Занятие подходило к концу. Женщины сбавили темп, шагали по кругу, будто выдыхали не усталость, а прожитое. Лея остановила музыку чуть раньше, чем обычно. Подошла к ним – к Нине, Кларе и Марии – и, как всегда, не давя, но точно, сказала:

– Я подумала... и хочу предложить вам троим выступить вместе.

Повисла пауза. Та самая – маленькая, плотная. В которой сердце слышно громче, чем музыка.

– Вместе? – первой отозвалась Нина. Голос – с оттенком надежды. – Вы серьёзно?

– Абсолютно, – кивнула Лея. – Вы очень разные. Но когда вы рядом, в зале возникает нечто. Как три ноты – разные по звучанию, но вместе дающие аккорд. Если вы согласитесь – мы сделаем номер. Не ради победы. Ради правды.

Клара опустила глаза. Сердце застучало – не в груди, а будто прямо в горле. Номер? С кем-то рядом – да. Но перед кем-то?

– Я... не знаю, – прошептала она. – Я не уверена, что смогу.

– И не надо быть уверенной, – сказала Лея. – Надо просто быть.

Мария стояла с видом «только попробуйте меня уговорить». Руки скрещены, губы поджаты, взгляд – вбок. Она фыркнула.

– А меня вы зачем туда тянете? Чтобы я разбавила собой вашу вдохновлённую картину?

Лея ответила спокойно. Но в голосе не было ни тени мягкости:

– Чтобы ты, наконец, перестала прятаться.

Мария отвела взгляд. На секунду. Но не ушла.

– Не знаю. Я подумаю. И уже тише, почти для себя: – Но никуда не ухожу.

Нина перевела дыхание.

– Я согласна.

И посмотрела на Клару. Та не сказала ничего. Только кивнула. Медленно. Но твёрдо.

Тогда Лея улыбнулась. Не широко. По-настоящему.

– Встречаемся в выходной. Примерка. Музыка. Начнём не с танца. А с того, чтобы увидеть себя – вместе.

Они кивнули. Все трое. По-разному. Но в унисон.

Наступило долгожданное воскресенье. Утро без спешки, без галдежа, без расписаний. Они договорились заранее: без зрителей, без суеты, просто прийти – и начать. Не танцевать.

Не примерять роли. А приблизиться. К себе. К друг другу. К той сцене, до которой оставалось уже меньше месяца.

Студия в этот день была почти пустая. Только они – трое. И коробки.

Лея распаковывала их не торопясь, будто открывала не костюмы, а сундуки с новыми судьбами. Внутри были ткани, блёстки, перья, длинные перчатки, шляпки, колые, чулки. Всё – не для повседневности. А для жизни, которую женщина чаще прячет, чем показывает.

– Разбирайте, – сказала она. – Не для сцены. Пока только для зеркала.

Нина подошла первой. Пальцы скользнули по тёмно-синей ткани. Бархат. Она приложила его к плечу, посмотрела в зеркало – и неожиданно засмеялась. Тихо. Но с той самой искрой, что загорается в глазах женщины, когда она вдруг понравилась себе сама.

– Я это беру, – сказала просто. – Как будто оно давно меня ждало.

Клара медлила. Перебирала стразы, кружева, шёлковые ленты, будто каждая из них могла обжечь. Потом всё-таки взяла лёгкую винтажную шаль – мягкую, как вечер без тревог.

– Мне... этого хватит, – прошептала. – Пока.

Но глаза её блестели, как будто она примерила не шаль, а право быть красивой без разрешения.

Мария держалась у края. Осматривала коробки, как буд-

то там был опасный пафос, который может укусить. Потом всё-таки потянулась – к паре перчаток. Тёмно-красных. До локтя. Приложила к руке. Не надела. Просто держала.

– Я в этом? Да я...

Она не договорила. Но и не положила перчатки обратно.

– Попробуй, – мягко сказала Лея. – Просто посмотри, как они на тебе.

– Я не люблю смотреть, – буркнула Мария.

– А мы давно и не смотрели, – спокойно ответила Лея. – Мы прятались.

Мария глянула на неё резко. Остро. Но не возразила.

Они ещё долго перебирали ткань. То смеялись, то замирали. Никто не говорил о завтрашнем дне, но в этот вечер каждая из них прикоснулась к образу той женщины, которой, может быть, не станет навсегда – но которую хотелось хотя бы ненадолго сыграть. И, возможно, сохранить кусочек её внутри. Когда ткань в руках перестала казаться чужой, а зеркала – враждебными, Нина почувствовала: пора отступить. Просто дать подругам пространство. Клара и Мария продолжали перебирать перья и ленты – иногда смеясь, иногда молча. Нина отошла к своей сумке, наклонилась за бутылкой воды – и тогда заметила экран телефона. Один пропущенный.

Анна.

Сердце вздрогнуло. Она сразу перезвонила. Долгие гудки. Автоответчик.

– Привет, это я. Ты звонила? У меня тут репетиция... но

я очень хочу услышать тебя. Позвони, когда сможешь.

Она нажала «отбой» и не отпускала телефон. Просто держала его в руках. Как будто тепло внучки могло пройти сквозь стекло.

В голове всплыл один из вечеров. Анна совсем маленькая. Сидит на ковре, читает стишок с ошибками, но с такой гордостью. Нина тогда смотрела на неё и думала: *какой же светлый у неё взгляд*. И сейчас она почувствовала: он всё ещё светлый. Просто усталый.

Сквозь оконное стекло виднелся город. Машины, люди, зонты. Всё шло своим чередом. А она – посреди сцены, между светом и тенью, с телефоном в руках и с любовью, которая не угасла, просто чуть притихла. Она прошептала:

– Я всё ещё здесь, Анна. Всё ещё рядом.

Потом размялась. Вернулась в зал. Потому что сцена – это тоже разговор. Только без слов. И, может быть, если она станцует сегодня от всей души – Анна это почувствует.

Репетиция подошла к концу. Музыка стихла, свет в зале стал тише, мягче. Лея что-то сказала – ободряюще, спокойно, без нажима. Женщины переодевались молча, как будто внутри каждой ещё звучала собственная мелодия, не совпадающая с фоновой.

Они не прощались громко. Никаких объятий, речей, обещаний. Только взгляды. Лёгкие кивки. И особенная тишина, в которой чувствовалось больше, чем в словах. Каждая уходила своей дорогой. Нина – чуть светлее, с другим дыхани-

ем. Мария – с прямой спиной и молчаливым вызовом. Клара – чуть неуверенно, но с шагом, в котором не было отступления.

Клара шла домой, крепко сжимая ручку сумки. Внутри лежала шаль – не просто ткань, а трофеей с внутреннего поля боя. Не украшение – доказательство. Свидетельство того, что она всё ещё здесь. Всё ещё есть.

Сердце билось чуть быстрее, но не от страха. А от странного, почти забытого чувства, пробудившегося после долгой спячки – будто внутри больше не зияла пустота. Будто она вернулась. Не в дом – в себя.

Лицо её сияло. Не от косметики – от того, что ей удалось почувствовать себя... желанной. Пусть на секунду. Пусть только для себя.

Дверь отворилась мягко, словно не хотела нарушить хрупкость её настроения. Дом встретил тишиной. Темнота, как всегда к вечеру, расползлась по углам. Только из кухни лился прямоугольник тёплого света. И в этом свете – он.

Сын. Стоял у косяка, руки скрещены на груди. Тень от его фигуры казалась длиннее, чем обычно. Взгляд – чужой. Голос – ледяной.

– Где была?

Клара вздрогнула. Едва заметно. Внутри всё сжалось, как будто снова стало тесно в своей собственной коже. Но язык сработал быстрее, чем сердце. Фраза выскользнула автоматически, как щит, соорудённый в панике:

– У Марии. Потом в магазин зашла. Купила кое-что...

Он не шелохнулся. Только глаза – слишком пристально. Слишком больно.

– У Марии? С тряпками? С блеском на губах? И с лицом, будто ты с курорта? Ты врёшь, мама.

Клара невольно отступила на полшага. Сумка в руке потяжелела. Казалось, в ней лежала не шаль – груз. Вина. Оправданий. Несказанных желаний.

– Что за тон, сынок?

– Ты изменилась. Ты не та, что была. Ты уходишь. Крадись. Прячешь пакеты. Смотришь иначе. Ты ведёшь себя так, будто отец – уже тень. Как будто его не было.

Она медленно сняла пальто. Пальцы дрожали, но она держалась. Слова сына впивались ледяными иглами. Она проглатывала их – без слёз, но с болью, которая не нуждалась в театре.

– Он был... и остаётся. Частью моей жизни. Но я... я осталась. И я имею право...

– На что? На перья? На сцену?

Она замерла. Сердце споткнулось о внутреннюю ступеньку.

– Откуда ты?..

– Да, я знаю. Ты ходишь на эти курсы, где вас учат жить «как будто». Где вы надеваете перья, трясёте бёдрами, и делаете вид, что вам плевать. Ты позоришь себя. Отца. Меня.

Клара молчала. Этот голос... Он был голосом мальчика,

которого она укачивала, когда у него резались зубы. Который держал её за палец в первые шаги. А теперь – это был голос взрослого мужчины, который осудил её за попытку ожить.

– Я не предаю его, – прошептала она. – Я просто... возвращаюсь. К себе.

– А я ухожу. Ты сделала выбор. Не в пользу семьи.

Он схватил куртку. Почти на бегу. Дверь хлопнула – так, как хлопают только те двери, за которыми когда-то был дом. Без оглядки. Без «прости». Без надежды на возврат.

И всё рухнуло. Не с криком. Не со сценой. А просто – в тишине. Осталась только женщина. В прихожей. С неподъёмной сумкой. С шалью, такой красивой, что теперь к ней невозможно было прикоснуться.

Нина вернулась домой позже обычного. Внутри – лёгкость, почти детская. Та самая, что появляется, когда примеряешь чужое и вдруг осознаёшь: это твоё.

Она достала из сумки ткань, аккуратно развернула, положила на кровать. Осторожно. Словно не ткань, а чья-то нежность, к которой никто не прикасался годами. Там были перчатки – короткие, с лёгким атласным блеском. И тонкая накидка с бахромой. Она накинула её на плечи, зашла в ванную, посмотрела в зеркало.

И впервые не искала, что не так. Всё было... так. Её лицо. Её шея. Её ключицы, которые несли годы – и всё ещё были красивыми. Она улыбнулась. Себе. Тихо. По-настоящему.

И вдруг – звонок.

Телефон завибрировал резко, как выстрел. На экране – Мария. Нина, не раздумывая, ответила.

Голос ворвался в комнату без стука. Без предисловий. Рвано, резко. Почти как удар:

– Где ты была?!

– Я?.. Только пришла. Что случилось?

– Пока ты, Нина, в облаках витала, крутилась в своих платках и сценах, у Клары – авария! Сын в госпитале! Она ушла из дома с этой твоей идиотской шалью, врала ему, красилась, скрывалась! Я тебя предупреждала, что это всё плохо кончится! Но ты всё танцы, свобода, перья! А теперь вот – последствия! Ты зажглась – и нас всех за собой в огонь потащила!

– Подожди. Что ты...

– Ты сломала ей голову, Нина! Ты повела её туда, где ей не место! Она начала врать, краситься, прятаться... А теперь – её сын в больнице! Понимаешь ты, нет?!

Нина замерла. Накидка сползла с плеча. Телефон в руке стал тяжёлым. Воздух сгустился. Слова не складывались.

– Но... Я...

– Ты! – в голосе Марии был уже не гнев, а отчаяние. – Ты всегда была зажжённой. А мы? Мы пошли за тобой. За тобой! А теперь одна – в слезах. Другую – ненавидят. А ты?.. С блеском в глазах?

– Я не знала...

– Конечно, не знала. Ты была занята сценой. Ты была за-

нята собой.

Сигнал. Обрезанный. Мария бросила трубку. Тишина. Плотная. Сильнее любого крика.

Нина стояла. Не дышала. Потом медленно опустилась на край ванны.

Она подняла голову. Посмотрела в зеркало. Там было другое лицо. Не сияющее. Не красивое. А виноватое.

Руки дрожали. Она снова взяла телефон. Открыла список контактов. Клара. Нажала вызов. Один гудок. Второй. Третий.

– Ну возьми... – прошептала Нина. – Пожалуйста.

Но в ответ – только гудки. И затем – сброс. Она набрала снова. И снова. Никто не отвечал. Никто не хотел.

Она опустила телефон рядом. Мерцал экран – звонки, сообщения. Она не касалась его. Не хотела слышать. Не могла отвечать. Слов больше не было.

Она прошла в гостиную и села на табурет. За окном текло вечернее небо – ровно, как чужая жизнь, в которую она больше не вернётся прежней.

Она смотрела вниз. На туфли. Те самые – лаковые, с мелкими блёстками, словно пылинки света. Раньше они казались ей игрой. Деталью образа. Праздником. Теперь – будто каждое мерцание обжигало. Как упрёк. Как обвинение. Словно в каждом отблеске слышался голос Марии.

«Может, действительно... всё началось с меня».

Мысль пришла тихо. Как осуждение, которому не нужен

был суд.

Она сидела так долго, что свет ушёл. Осталась только она. И туфли. И тишина, которая не утешала – только повторяла одно и то же: Ты. Ты. Ты.

9 глава. Между дождём и звонком

В комнате стояла предвечерняя тишина, густая, как парное молоко – липнущая к коже, от которой не спастись ни светом лампы, ни любимой чашкой. Нина сидела у окна, обхватив колени, завернувшись в свою старую шаль, потемневшую от времени и одиночества. Несмотря на тепло в квартире, её подрагивающее тело выдавало предательскую дрожь – не от холода, от чего-то глубже, под сердцем.

На столе, рядом с вазой с увядшими цветами, лежал телефон. Он казался живым – крохотный источник ожидания. Нина снова набрала номер Клары, приложила трубку к уху. Гудки. Один. Второй. Третий. И всё. Ответа не было. Как и в прошлый раз. Как и позавчера. Как будто Клара больше не существовала в её мире, а может, это она сама вывалилась из чужой орбиты – упала, осталась за пределами дружбы.

Положив телефон обратно, Нина долго смотрела на его тёмный экран, в котором отражалось её лицо – расплывчатое, размытое, с трещинками в уголках глаз и немой вопросом на губах: "Ты правда думала, что ничего не изменится?"

Поднявшись с кресла, она медленно подошла к вешалке, не спеша накинула пальто, словно надевая на себя броню, которая, правда, уже не спасала. Шаль, всё ещё пахнувшая лавандой, осталась висеть на ручке двери, как забытая попытка утешения.

Открыв дверь, Нина вышла в слякотный двор – тот самый, по которому ходила тысячу раз, но сегодня он казался чужим. Дождь не лил – он проникал. Впитывался в плечи, стекал за воротник, оседал в ресницах. Зонт она не взяла. Не хотела. словно влага могла вымыть то, что засело внутри.

Шагая по пустынной аллее, она не смотрела по сторонам. Только под ноги, туда, где вода собиралась в лужах. В их дрожащих зеркалах отражалось небо – тёмное, тяжёлое, будто тоже переживало. В груди стояло чувство, будто кто-то сжал её изнутри и не отпускал.

"Это всё из-за меня... Я подвела Клару. Я вдохновила её, я смеялась с ней, я танцевала рядом – и даже не подумала, что кто-то может за это заплатить."

Шаги становились всё медленнее. Ботинки промокли. Волосы прилипли ко лбу. Но Нина не замечала – она шла, как в старом сне, где всё медленно и неотвратно. Где никуда не придёшь, потому что ищешь не дорогу, а прощение.

На скамейке, под одиноким деревом, она остановилась. Мокрая доска казалась холодной, как равнодушие. Но Нина всё равно села. Пальцы дрожали. Вены на запястьях побелели. Сквозь шум дождя слышался только её собственный вдох – тяжёлый, будто сердце вдруг разучилось биться правильно. Небо плакало вместе с ней – или, может, просто напоминало: даже грозы заканчиваются. Когда-нибудь. Но не сегодня.

Она закрыла глаза и прислонилась к спинке. В этот момент весь мир сузился до одного слова: вина. словно оно ка-

пало с неба, сбивало дыхание, повторяло своё имя на каждом шагу. И в этой тишине, в этой промокшей, вымокшей до последней нитки женщине больше не было силы думать – только чувствовать. И ждать. Чего – она сама не знала.

А в другом конце города – тишина была другой. Медицинской. В палате пахло лекарствами и влажной тряпкой. Звуки капельницы отсчитывали время, как бездушный метроном.

Клара сидела на жёстком пластиковом стуле рядом с больничной койкой. Сын лежал, почти неподвижный. Лицо закрыто повязкой. Дыхание – медленное. Будто чужое. Будто не отсюда.

Клара закрыла глаза, потом снова открыла. Слёзы текли – медленно, как будто из самой глубины. Но она не всхлипывала. Не хватало воздуха. Она просто смотрела на него. На его руку. На его неподвижность. И повторяла:

– Прости меня... Прости меня... Прости...

Голос был хриплым. Мокрым. Неровным.

– Я не доглядела... Я ведь знала, что он сердится... Знала, что его это злит... Но всё равно пошла... Всё равно надела это всё... Всё равно захотела... – она закрыла лицо руками, наклонилась к коленям. – Раз... Один раз... просто для себя. Только чуть-чуть. Только вспомнить, как это – жить.

Грудь сдавило. Слёзы текли, но боли не становилось меньше. Только реальнее.

– Я... я не хотела ему зла. Я не думала, что... что это может так... Я просто... я просто устала быть для всех. Хотела

хоть раз — для себя.

Она встала, подошла к окну. За стеклом — холодное солнце. Люди спешили куда-то, улицы дышали, как будто ничего не случилось. Как будто мир не треснул.

— Это не моя вина... — прошептала она. Голос сорвался.

— Это не моя вина. Это... вообще ничья вина. Это просто... случилось.

Она прижалась лбом к стеклу. Постояла так, глядя на жизнь за пределами больницы. Потом вытерла лицо рукавом, медленно вернулась к стулу, взяла сына за руку. Осторожно. Ласково.

— Я всё равно здесь. Я всё равно — твоя. Просто теперь я ещё и — своя.

Она села. Ничего больше не говорила. Только сидела. Тихо. И впервые за много лет — со всем своим существованием.

В этот момент, где-то в другом конце города, Нина все еще сидела на мокрой лавке под серым небом, промокая до нитки — в теле, в мыслях, в чувствах. Тело продрогло. Внутри — только мольба. Тихая. Без слов.

"Прости меня..."

Она не произносила её вслух. Но воздух, кажется, слышал.

И словно кто-то уловил этот несказанный зов — в той самой палате, где пахло лекарствами и пустотой, Клара подняла глаза. В груди что-то дрогнуло.

"Я прощаю." — Клара не сказала этого. Но Нина почув-

ствовала. И это было достаточно.

Телефон завибрировал у Нины в кармане, когда она уже почти перестала верить, что кто-то ещё помнит о ней. Она не сразу решилась достать его – казалось, любое прикосновение к реальности может снова обжечь.

На экране – «Лея».

– Ниночка, – бодрый голос в трубке звучал, как фонарик в тумане.

– Ну что, решили уже, кто будет по бокам, а кто в центре? Или ты снова устроишь нам художественный беспорядок и всех перемешаешь?

Нина молчала. Только дышала – хрипло, сбито, не в силах ответить лёгкой шуткой.

– Нина?.. – Лея тут же напряглась. – Ты где? Что случилось?

И тогда слова хлынули, как сорвавшаяся плотина.

– Мы... мы поругались. Я с Марией. С Кларой. Всё пошло как-то... не туда. А теперь... её сын – в больнице. Он ушёл из дома в порыве злости, когда они с Кларой поссорились. Она врала ему, скрывалась, начала краситься, носила шаль... и всё это – из-за меня. Я вдохновила её, втянула в эту историю – с танцами, с блёстками, с помадой... Ему это не понравилось, он не понял. Он вышел на улицу, сел за руль – в гневе. Его кто-то подрезал. Машина вылетела в кювет. Перевернулась. Сейчас он – в реанимации. В тяжёлом. И, может быть... может быть, она теперь меня ненавидит. А я... я точно. Я

сама себя ненавижу.

Лея молчала ровно три секунды. И потом, очень спокойно, очень точно, сказала:

– Тихо.

Не как приказ. Как защита.

– Тихо, Нина. Сделай вдох. Медленно. Вот так. Теперь выдох.

Нина повиновалась. Слезы текли по щекам, смешиваясь с каплями дождя. Её трясло.

– Слушай меня. Это не твоя вина. Ты не водила его машину. Не выкрикивала слова в той ссоре. Не управляла поворотом. Ты была рядом с Кларой в тот момент, когда она впервые за много лет разрешила себе жить. Ты не дала ей боль. Ты показала ей воздух.

– Но если бы я не смеялась с ней, не поддерживала, не зажигала в ней этот огонь...

– Огонь – это не проклятие, Нина. Это жизнь. Ты не виновата, что она проснулась. Да, она соврала. Да, он не справился. Но это их процесс. Их динамика. Их точки боли.

Лея говорила негромко, почти шепотом – но каждое слово было якорем.

– Ты стала для неё не костром, а спичкой. Она зажглась – потому что давно хотела. И если бы не сцена, не ты, не шаль – она зажглась бы от чего-то другого. Потому что боль внутри ищет выход. А любовь к себе – тоже.

Нина опустила голову. Грудь вздрагивала. Но в теле уже

появилось дыхание.

– А знаешь что? – перебила её Лея. – Я ведь тоже когда-то зажглась. После смерти мужа. Решила, что не всё во мне умерло вместе с ним. Начала петь в хоре. Меня тогда осуждали. Даже родная сестра. Говорила: «Как ты можешь? Ты же вдова. Ты должна быть тенью». А я не хотела быть тенью. Я хотела быть светом. Хоть на минуту. И если бы ты тогда была рядом – ты бы поддержала меня. Так вот теперь я рядом с тобой. И говорю – ты сделала правильно. Ты не виновата, что Клара выбрала жизнь. А её сын... он под присмотром врачей. Всё будет. Слышишь? Потихоньку, но будет.

– Ты уверена?

– Я не врач. Но я женщина. Я мать. Я друг. И я точно знаю: винить себя легче, чем простить себя. Но жить... с прощением – важнее. Пожалуйста, Нина, иди домой. Завари себе чай. Пусть душа отдохнёт. Остальное – со временем. Оно у нас ещё есть.

– Ты всегда так говоришь, – прошептала Нина, натянув капюшон, будто прячется от мира.

– И, заметь, я всё ещё жива. И пою, танцую. И спорю с тобой, кто встанет в центр сцены. А значит – всё не зря.

Слёзы всё ещё текли, но в голосе Нины появилась мягкость.

– Спасибо.

– Домой, Ниночка. В тепло. И не забывай – ты не одна. Даже если тебе так кажется. Ты – не одна.

И в этих словах было больше поддержки, чем в десятках объятий. Нина отключила звонок, долго смотрела на экран. И впервые за весь день почувствовала – кто-то держит её за руку. Хотя и далеко.

Вернувшись домой, Нина сняла промокшее пальто, развесила его над ванной и накинула поверх плеч мягкий вязанный кардиган. Комната встретила её тишиной, но уже не такой пугающей, как до дождя. Тишиной, в которой можно было перевести дух.

На кухне она поставила чайник, насыпала ромашку в кружку и, пока вода закипала, взяла в руки телефон. Пальцы не дрожали – просто медлили. Она открыла список контактов и нашла любимое имя. Анна.

Гудки. Один. Второй. И голос. Такой юный, живой, светлый – как весенний ветер, который всё ещё впереди.

– Бабушка! Привет! Как ты?

– Привет, милая. Я... знаешь, как-то... как будто не с этой недели, – Нина села у окна, глядя, как остатки дождя стекают по стеклу. – Устала немного. Но есть новости. Нас пригласили на конкурс. Мы с девочками будем выступать. Нас трое. Как раньше. Ну, почти как раньше.

– Серьёзно?! – в голосе Анны было столько искреннего восторга, что Нина впервые за долгое время засмеялась. – Бабушка, ты звезда! А когда? Где? Я приеду! Обязательно приеду! Только скажи дату!

– Пока не знаю точно. Нам ещё распределиться – кто где

будет. Кто по бокам, кто в центре. Но мы постараемся. Очень постараемся.

– Я верю в тебя. И в вас. Представляю уже, как вы выйдете – такие красивые, стильные... Может, даже в перьях? – Анна хихикнула.

– Ну уж перья – это скорее к Марии. Хотя, может, я тоже рискну, – Нина улыбалась, но голос был чуть дрожащий – от удерживаемого кома.

Про аварию она не сказала. Ни про ссору, ни про боль. Пусть в этом голосе, в этом мире Анны, пока будет только чистота и радость. Она надеялась, что всё образуется. Что сын Клары поправится. Что они снова соберутся втроём и всё закончится не трагедией, а сценой – живой, светлой, женской.

– Я так рада, что ты снова живешь и дышишь полной грудью, бабушка. Ты ведь сияешь, когда танцуешь. Я это помню.

– Спасибо, солнышко. Ты даже не представляешь, как мне нужны были сейчас эти слова.

Они ещё немного поговорили – о платьях, о репетициях, о поездке. Обычный разговор. Но для Нины – как глоток горячего чая после ледяного ветра.

После звонка она ещё немного посидела в тишине. Теперь – совсем другой. Той, что лечит. Той, что даёт услышать себя. Всё будет. Пусть не сразу. Пусть не как мечталось. Но будет.

Нина сидела в темноте, не включая свет. Только свет ста-

рого фонаря время от времени вспыхивал за стеклом, будто мир напоминал: "Я рядом".

Кружка с остывающим чаем стояла на подоконнике. Внутри – покой, вперемешку с тревогой. Не буря. Уже нет. А что-то похожее на прибой после шторма.

"Если Клара вернётся..." – подумала Нина, проводя пальцем по стеклу. – "...я буду ждать. Без обид. Без упрёков. Просто – как женщина, которая тоже когда-то упала. Но встала."

И где-то глубоко, совсем тихо, родилась мысль:

«Я всё ещё могу быть началом. Даже если была ошибкой.»

10 Глава. Без аплодисментов

Утро вползло в комнату без стука – мягким светом, молчаливым, как извинение. Нина открыла глаза не резко, без испуга. Просто – проснулась. Словно кто-то внутри позвал её тихим, но настойчивым голосом: вставай.

Подушка была тёплой от ночного дыхания, но в голове уже не было ни тревожных снов, ни мыслей, похожих на шепот грозы. Было странное, почти непривычное чувство – всё на своих местах. Даже если немного разбито. Даже если не совсем ясно, как дальше.

Она села на кровати, укуталась в шаль, подошла к окну. За стеклом – обычный двор. Влажная трава, следы после дождя, голуби, вечно спорящие из-за крошек. Жизнь. Неспешная. Без огоньков, но настоящая.

На кухне, поставив чайник, она достала свою любимую чашку – с тонкой трещинкой сбоку. Раньше эта трещина её расстраивала. Сегодня – наоборот. Она подумала: я тоже треснула, но не раскололась.

Пока вода закипала, Нина разложила на столе листочки с записками. Там были криво начерченные схемы движений, напоминания: «поворот мягче», «улыбка – не натянутая», «держи плечи».

Она провела пальцем по строчке и почувствовала, как сердце отзывается лёгкой, но чёткой уверенностью. Она хо-

чет это закончить. Довести. Выступить. Не ради громких оваций. Не ради Клары. Не ради Марии. А ради себя – той, которую так долго прятала под чужими ожиданиями и старыми страхами.

«Я обещала себе – если Клара вернётся, я буду рядом. Но если нет – я всё равно пойду. Потому что я есть. И мне пора быть.»

Чайник свистнул. Нина выключила плиту, залила траву, вдохнула пар. Ромашка пахла миром. Тишиной. Домом.

Потом она взяла телефон. Набрала номер. «Мария».

Пора было сказать главное. Без слёз. Без просьб. Без оправданий. Просто – по-настоящему.

Гудки длились дольше, чем обычно. Будто Мария тянула – не потому что не слышала, а потому что не хотела слышать. Когда ответила, голос был чужим. Ровным. Натянутым, как нитка перед разрывом.

– Да?

– Это я, – сказала Нина. Тихо. Без уверенности, но и без робости.

– Я догадалась, – ответила Мария. Ни "привет", ни "как ты".

Нина вдохнула.

– Я позвонила не ругаться. И не оправдываться. Я просто хочу, чтобы ты знала: я решила продолжать. С конкурсом. С репетициями. Если вы с Klarой не вернётесь – я всё равно пойду. Одна, если придётся.

Тишина на том конце была ледяной. Нина слышала собственное дыхание – и как бьётся сердце. Но не дрожало. Оно просто... жило.

– Прекрасно, – сказала Мария. Голос обернулся колкостью. – И что дальше? Пойдёшь, станцуешь, получишь грамоту за упорство?

– Может быть, – спокойно сказала Нина. – А может, просто завершу то, что начала. Ради себя.

– Ради себя... – переспросила Мария. – Ну да, как удобно. Подожгла костёр – теперь хочешь погреться одна?

Нина сжала пальцы. На мгновение захотелось бросить трубку. Но она осталась.

– Я не поджигала. Я показала, что он вообще может гореть. А дальше каждый решал сам. Я не ангел, Мария. Но и не чудовище. Я дала ей не бунт. Я дала ей шанс.

– И что теперь? Сцена, перья, аплодисменты? Всё как ты мечтала?

– Нет. Не всё. Клары нет. Тебя нет. И это больно. Но я есть. И если я не выйду на сцену – я больше никогда не выйду никуда. Я устала жить в паузах.

Ответа не было. Только молчание, тяжёлое, как дверь, которую кто-то держит изнутри.

– Ты могла бы подождать, – сказала Мария, наконец. Тихо. И в этой тишине было что-то другое – не злость, а усталость.

– Я ждала. Я надеялась. Я плакала. Но сегодня я поняла: если я снова отступлю – я предам не вас, а себя.

Ещё пауза. Последняя.

– Делай, как знаешь, – сказала Мария и повесила трубку.

Нина осталась сидеть, глядя на чёрный экран. В груди всё ещё покалывало – не от обиды, а от тяжести честности. Ей не стало легче. Но яснее – да. И это было уже немало.

Телефон погас. Экран стал пустым, чёрным, как точка, поставленная в конце тяжёлого письма. Нина ещё несколько секунд сидела, не двигаясь. Не потому что не знала, что делать, а потому что знала – теперь всё по-настоящему.

Слова Марии звенели в ушах: "Делай, как знаешь". Без злобы. Без прощения. Как будто между ними теперь была река, которую никто не будет переходить. И это было не катастрофой. Это было – реальностью.

Нина встала. Медленно, с той осознанностью, с какой встают женщины, пережившие многое, но не потерявшие себя окончательно. Она пошла в спальню, прихватила с собой листочки, разгладила мятые страницы и встала перед зеркалом. Сначала – просто стояла. Потом шагнула вбок. Руки – чуть вверх. Поворот. Стоп. Снова. Всё по тем самым замечкам – движения, неуверенные, но уже её. Не для зала. Не для сцены. Для себя. Пусть не идеально. Пусть без зрителей. Но – по-настоящему. Она посмотрела в зеркало. Волосы расчёпаны, глаза усталые, но... ясные. Без привычного взгляда "что не так". Наоборот. Впервые за долгое время ей казалось – всё именно так. Как должно быть.

Движения закончились. Тело немного согрелось, мысли

выровнялись, и в этой тишине внутри появилась готовность – не продолжать, а идти. Дальше. Вовне. К дню, который уже наступил.

Она натянула пальто. Пальцы дрожали от напряжения, но сердце было неподвижно, как якорь. Сумку с блокнотом и сменной обувью повесила на плечо. Перед выходом задержалась в дверях, глядя на свою старую квартиру. Стены. Чашки. Шарф на вешалке.

– Я вернусь. Но уже другая, – сказала она вслух. Не напоказ. Себе.

И вышла.

На улице было солнце. Не яркое, не праздничное. Просто свет. Обычный, честный. Как и её выбор. Она шагнула на тротуар и вдруг почувствовала: не обязательно, чтобы кто-то шёл рядом, чтобы путь имел значение.

11 глава. Репетиция счастья

Утро выступления. Нина одна. Кухня пахнет кофе и лёгкой пудрой. За окном – ясный, спокойный день, будто и сам мир решил: сегодня будет красиво, по-честному.

Она достаёт из шкатулки серьги – те самые, что когда-то подарил муж. Медленно надевает, не торопясь. Подходит к зеркалу и долго смотрит на своё отражение. Не оценивая, не исправляя – просто вглядываясь, как в портрет, который надо не судить, а понять.

– Здравствуй, – произносит она. Тихо. Тепло. – Давненько мы не встречались по-настоящему.

Пальцами касается скул, поправляет волосы. И вдруг – вспоминает. Как когда-то, на танцах, он подошёл и сказал: «Вы так красиво двигаетесь. Вы как музыка». Как потом они танцевали всю ночь. А потом – были годы. Заботы. Молчание. А теперь – снова музыка. Но уже не извне. Изнутри.

– Я не самая молодая. Не самая гибкая. Но сегодня... я буду самой живой, – говорит она отражению.

Смех вырывается сам – лёгкий, чистый. Не горький. Настоящий.

Она достала платье. То самое, в котором репетировала. Сжимает его в руках, как будто оно живое, как будто и оно ждало.

– Ты тоже ждало, да? Ждало, когда я снова захочу.

Надевает. Вглядывается в себя. И впервые видит не возраст. Не привычную роль. А – женщину.

Подходит к двери. Задерживается. Вдыхает. И говорит напоследок:

– Пора. Сегодня – я.

И выходит из комнаты, оставляя за собой лёгкий шлейф духов и ощущение начала, которое она больше не откладывает.

В зале пахло лаком для волос, натёртым деревом и чем-то до предела женским – смесью духов, решимости, волнения и сладкой дерзости. Воздух стоял густой, как взбитый мусс, напоённый предвкушением. Сегодняшнее утро не выглядело торжественным, но внутри зала всё дышало ожиданием – не тревожным, а щекочущим, почти интимным, как перед выходом на сцену.

Нина вошла в зал, как входят туда, где уже ждут. На ней был светло-серый кардиган, шёлковый платок, заколотый у шеи. Всё – сдержанно, изящно, по-взрослому. Но глаза у неё были не старше ни на день. Улыбка – настоящая. И походка – уже не скрывающая.

Зал жил. Девушки – яркие, накрашенные, шумные – сновали между зеркалами, поправляя чулки, ленты, банты, корсеты. Пудра плыла в воздухе, как дымок из гримерки. Корсеты шуршали под пальцами, шлейки подтягивались с хрустом, чулки натягивались через бедро с игривым смехом. Некоторые уже стояли в туфлях на каблуке, позируя сами се-

бе – плечо вперёд, бедро в сторону. Кто-то шептал себе под нос счёт: *раз-два-пауза, разворот...* – и тут же сбивался от волнения.

Одна участница с алыми губами и густой подводкой на веках, уже в кружевном чёрно-золотом костюме, делала глубокие вдохи, будто собиралась нырнуть в себя с размаху. Другая, в шляпке с пером и фатином, смеялась слишком громко – от страха и восторга одновременно.

Угол гримерки кишел тёплым хаосом: ленты, баночки с глиттером, помады, веера, шкатулки. Мамы, сидящие у стены, обсуждали вслух:

– У той, в розовом, чулки перекручены.

– Зато у нашей – спина как струна. Только губы бы ярче...

Лея – в ярко-бордовом корсете, чёрных чулках и с неизменной серьёзной папкой – хлопнула в ладоши:

– Так, девочки, расслабились! Сегодня не день битвы. Сегодня – день красоты! Всё выучили, всё знаете. Не дёргаться. Просто доводим себя до блеска. По номерам пройдемся, на костюмы глянем – а потом чай с лимоном и по домам. Завтра – блистать, а не болеть!

Нина смотрела на всё это – и чувствовала, как внутри поднимается лёгкое волнение, не от страха, а от внутреннего узнавания: я – тоже часть этого мира.

Она подошла к вешалке, нашла свой костюм: глубокий тёмно-зелёный, с корсетом, бахромой и кружевной деталью на плече. Провела рукой по ткани, будто спрашивая разре-

шения. Потом сняла кардиган. Осталась в белье. Натянула чулки. Застегнула крючки корсета – сначала неуверенно, потом решительно. И когда подняла глаза – в зеркале на неё смотрела уже не просто Нина. А женщина, пришедшая за своей долей света.

– Ну, здравствуй, – прошептала она себе. И улыбнулась – не зеркалу. Себе. По-настоящему.

Нина встала у зеркала. Рядом – её одноклассницы: красотка Мадлен с вечно сползающим бантом, Ирен с острыми локтями, которые всё забывает прижимать. Они репетировали вместе уже несколько месяцев, и за это время в этих женщинах было что-то особенно родное. Все – с разными судьбами, голосами, телами. Но сейчас они были – одно. Хорош из женского упрямства, памяти и красоты.

Нина поправила платок на поясе, провела пальцем по строчке на листке: «Поворот – вместе. Без спешки. Без страха.» Она чувствовала волнение. Не потому что боялась провала. Потому что знала – завтра будет праздник. И в этом празднике может чего-то не хватить.

Марии.

Она украдкой посмотрела на дверь. Нет. Пусто. Только сквозняк шевельнул край плаката на стене. "Гала-концерт. Возраст не помеха. Женская сила – в движении."

Нина выдохнула, поправила край корсета и наклонилась к Мадлен:

– А вдруг сегодня кто-то придёт... а я, как назло, не на-

красилась?

Мадлен хихикнула, едва сдерживая улыбку:

– Вот именно. Сиди ближе к выходу – если вдруг войдёт мужчина, чтоб сразу впечатление произвести.

Обе рассмеялись – коротко, тихо, но с тем самым искоркой, которую не подделаешь. Репетиция началась.

Музыка потекла по полу, как река – и зал наполнился движением. Музыка мягко стихла, сменившись шарканьем ног, шорохом юбок и голосом Леи, которая с энтузиазмом объясняла, как «движение бедра должно быть не как у трактористки, а как у женщины, которая знает, чего хочет».

Нина стояла у зеркала, поправляя волосы, когда вдруг почувствовала движение у дверей. Не шум. Не шаги. А скорее – дрожание воздуха. Как будто кто-то, чьё присутствие давно ждёшь, вошёл не громко, но изменил всё. Она обернулась.

В проёме стояла Мария. Та самая – гордая, неприступная, чуть уставшая, но всё такая же своя. Она сжимала сумку перед собой, крепко, будто та могла защитить её от воспоминаний, неловкости, взглядов. Пальцы белели от напряжения. Плечи сдержанно прямые. На лице – ни улыбки, ни упрёка. Только решимость. Глубокая, взрослая. Та, за которой всегда стоит что-то настоящее.

Никто ничего не сказал. Кто-то в зале перестал говорить. Музыка замерла. Даже Лея прикусила губу – будто зная: сейчас не время вмешиваться.

И тогда Нина двинулась вперёд. Не торопливо. Не теат-

рально. Шагами женщины, которая помнит каждую боль – но выбирает идти не с ней, а навстречу.

Они встретились в центре зала. Без пафоса. Без аплодисментов. Просто – обнялись. Объятие получилось сдержанным – снаружи. Но внутри у Нины всё вспыхнуло тёплой волной, будто вернулась часть её, которую она уже не надеялась вернуть.

– Я пришла не потому, что всё простила, – прошептала Мария, не отпуская. – А потому что обещала. И... потому что ты всё-таки дошла. А я – не из тех, кто бросает в пути. Даже если злюсь.

– Я знаю, – ответила Нина. Голос дрогнул. – Знаю.

Они стояли в тишине. И в этой тишине уже всё было сказано.

Лея громко выдохнула – вернув всех на землю:

– Ну, если Мария пришла... значит, точно будет фейерверк. Давайте без фальши: кто скажет, что не рад – больше не получит чай с вареньем в перерыве!

Смех прокатился по залу – лёгкий, настоящий, живой. Мария наконец отпустила сумку, поставила её у стены и выпрямилась.

– Ну что, – сказала она, – где мой номер?

Сняла пальто. Накинула репетиционную юбку. Переобулась в туфли – кожаные, с аккуратным каблукчком, отполированные до блеска, как будто кто-то до неё держал их в руках с особой нежностью. И в её движениях не было торопливо-

сти. Только готовность.

– Ну-ка, ну-ка, – Лея прищурилась. – Смотрю, ты не просто пришла... Ты пришла подготовленной.

Мария пожала плечами, подбирая волосы в невысокий пучок:

– А чего я хуже других? Танцевала дома. Перед зеркалом. Пока никто не видел.

– Всё ясно, – с усмешкой протянула Лея. – Ты не репетировала. Ты нас морально давила дистанционно.

– Конечно. Я же женщина опытная, – Мария поправила юбку. – Я не сразу в бой, я сначала – с почётом.

Нина стояла рядом, и ей казалось, что даже воздух в зале стал легче. Они снова были вместе. И пусть ещё немного неловко, немного несогласованно – но рядом. И в этом было всё.

– Готова? – спросила она.

– Да, только... – Мария оглянулась на сцену. – Можно я встану справа?

– Почему? – удивилась Нина.

– Там света больше. А у меня, между прочим, блёстки. Надо же их показать, раз уж приклеивала полвечера. Я же теперь не просто танцую – я свет отражаю.

Нина засмеялась.

– Забирай. Мне достаточно, что ты здесь.

Они вышли в центр зала, под музыку, которая уже стала родной – не столько по нотам, сколько по тому, как пе-

рекликалась с внутренними ритмами. Танец был не идеальным. Мария на первом повороте чуть споткнулась, Нина однажды сбилась в счёт. Но всё это не имело значения. Зато были взгляды – точные, искренние, узнающие. Были улыбки – тёплые, не нарисованные. И было то самое движение плеча, которое знают только женщины, когда больше не нужно ничего доказывать, а хочется просто быть.

Лея встала, хлопая в такт.

– Вот оно. Не техника. Душа. Вы обе – как хорошее вино. Только с годами раскрываетесь.

Мария рассмеялась, вытирая лоб полотенцем:

– Это ты про танец или про мою поясницу?

– Про оба случая, – подмигнула Лея. – Но поясница – дело поправимое. А вот вы вдвоём – это настоящее. Даже если с хрустом.

Музыка стихла. Зал снова наполнился звуками реальности: шагами, дыханием, шорохом ткани. Но между Марией и Ниной всё звучало иначе. Они снова стали партнёрами. В танце. В жизни. В свете, который теперь точно не тускнел.

Занятие подошло к концу. Усталость легла на плечи мягким, но весомым шарфом. В зале снова пахло пудрой, тёплым потом, женскими разговорами и каким-то внутренним согласием, которое бывает только после общего дела.

Мария и Нина вышли вместе. У обеих – сумки через плечо, на щеках румянец от движения, в глазах что-то мирное. Непростое, но – мирное.

– Спасибо, что пришла, – сказала Нина. – Не думала, что всё ещё возможно вот так... просто.

– Я тоже не думала, – отозвалась Мария, подбирая полы пальто. – Но, видно, есть вещи, которые не умирают. Даже если их молчанием засыпать. Я ведь тебя слышала всё это время. Даже когда злилась.

– А Клара?

Мария на секунду замедлила шаг. Потом ответила:

– Всё хорошо. Сын уже дома. Клара вернулась к своей жизни – постирала шторы, перестирала пледы, вымыла все полки, даже те, которых в квартире нет.

– Классическая реабилитация?

– Да, – усмехнулась Мария. – Её способ справляться – не сцена, а тряпка. И, может, в этом тоже есть правда. Простит она тебя. Только позже. Когда устанет быть гордой. Ты ведь её не предала, Нина. Ты просто... пошла вперёд.

Нина кивнула. Но грусть с лица не уходила. В глазах всё ещё плескалось то, что не вытрясли даже танцы.

Мария, конечно, заметила.

– Так, всё, – сказала она. – Я с тобой больше не гуляю в таком настроении. Пойдём.

– Куда?

– По магазинам. Посмотрим помаду. Мне хочется блеск – не тонкий, не скромный. Чтобы прям бах! – и видно с остановки.

Нина фыркнула:

– И думаешь, это поможет?

– Нет. Но будет весело.

– А потом?

– А потом – в кафе. На улице. Где столики под навесом, а мимо ходят люди. Чтобы кавалеры увидели, какие мы роскошные. И чтоб поняли – поздно, конечно. Но приятно.

Нина рассмеялась – впервые за день легко.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно. У нас завтра выступление. Нам нужно вдохновение. И блеск. Внутри – уже есть. Осталось снаружи добавить.

Они свернули в сторону яркой витрины, за которой на акkuratных подставках сияли тюбики помад. Каждая – с оттенком, уместным только на губах женщины, которая знает, чего она стоит.

И, идя туда, Нина вдруг поняла: сегодня она выбрала жить. Не ждать, не вспоминать, не бояться. А – жить. И это был лучший наряд накануне сцены.

Они провели день, как будто им снова было семнадцать. Только без наивности – зато с удовольствием. Выбирали помады, смеялись над нелепыми названиями: «Шепот розы», «Закат любви», «Чувственная ежевика». Мария, примерив десятую по счёту, воскликнула:

– Всё! Беру эту. Пусть губы молчат, но хотя бы кричат по цвету!

После магазинов они действительно сели в кафе. На ули-

це. Под лёгким навесом. Где солнце уже клонилось к вечеру, и чай в прозрачных чашках казался янтарным.

Они сидели, неторопливо болтали, поднимали глаза на каждого прохожего, который задерживал взгляд. А таких было немало. Нина сначала смущалась, но потом Мария громко прошептала:

– Ну хоть подмигни ему! У него взгляд, как у студента на зачёте.

– Ты с ума сошла, – шептала Нина, улыбаясь.

– Зато жизнь со мной веселее, – ответила Мария, и глаза её смеялись больше, чем губы.

Они ели чизкейк на двоих, не спорили, кто возьмёт последний кусочек – просто разделили пополам. Потом сидели молча, глядя, как по тротуару бегут тени деревьев. Тишина больше не была между ними. Она была – их общей. И когда они поднимались, чтобы идти домой, Мария сказала:

– Вот бы завтра свет на сцене был как сегодня – мягкий, но уверенный.

– Главное, чтобы мы сами были такими, – ответила Нина.

И они пошли, не спеша, под руку. Две женщины, пережившие обиду, одиночество, страх, но выбравшие не стать их пленницами. А вместо этого – просто жить. С помадой. С блёстками. С искренним смехом. И с завтраком перед сценой.

12 глава. Пудра. Блеск. Музыка

День выступления.

Закулисье жило своей особой жизнью – немного хаотичной, слегка театральной, но удивительно тёплой. Слышался смех, шелест тканей, негромкие команды, щёлканье замков на костюмах. В воздухе витал запах лака для волос, пудры, духов с ванилью и – главное – лёгкое напряжение, как капля волнения за ухом. Едва уловимое, но очень настоящее.

Кто-то в спешке завязывал ленты, кто-то клеил последнюю стразу на корсет, кто-то, уже в туфлях, репетировал шаги прямо в коридоре, где каблуки отстукивали ритм – будто сцена звала из-за стены.

Нина стояла у гримёрного зеркала, закалывая волосы. Пальцы дрожали – не от страха, а от переполненности. В отражении – не девочка, не актриса, не мама. Женщина. Сегодня – она. Полностью.

Рядом, в полураспущенном халате, присела Мария. Натягивала перчатки – длинные, красные, с лёгким блеском. Уголки её губ вздрагивали от напряжённой иронии:

– Ну вот мы и дожили, – усмехнулась она. – Блестим, как в молодости, а волнуемся, как в школе перед «Последним звонком».

– Это даже не волнение, – ответила Нина, поправляя накидку. – Это как будто душа стучится изнутри и спрашивает:

мы правда здесь?

Мария посмотрела в зеркало. И увидела там не женщину с морщинками и тенью под глазами. А женщину, у которой снова есть свет. И этот свет – не от софитов. Он – изнутри.

– Слушай, – тихо сказала она, – даже если бы нас сейчас развернули и сказали «всё отменяется», я бы всё равно чувствовала себя победительницей.

– Потому что мы дошли? – спросила Нина.

– Потому что мы не отступили, – кивнула Мария.

В гримёрку заглянула Лея – в ярком платье и с неизменным блокнотом. Выглядела как строгая королева сцены, у которой под платьем спрятан торт с искрами.

– Дамы мои золотые, – сказала она, входя. – Вы – кульминация вечера. На вас – финальный аккорд. И не спорьте со мной, у меня в блокноте так и написано: «закончить феерией».

– А если мы забудем движения? – пошутила Нина.

– Тогда делайте вид, что это авангард, – отрезала Лея. – Главное – блесните. Внутри и снаружи. Остальное публика сама додумает.

Смех разлетелся по гримёрке, как лёгкий шелест крыльев.

Мария подошла к зеркалу, провела пальцем по краешку блеска на веках и сказала:

– Ну что, госпожа сцена, готовься. Мы выходим. И ты запомнишь нас.

И в этот момент, пока занавес ещё не открылся, пока зри-

тели ещё не затаили дыхание, Нина знала точно: что бы ни было дальше – она уже здесь. И это главное.

Зал был полон. Свет – мягкий, софиты уже ждали, когда их включат в полную силу. Шёл третий блок конкурса, а публика всё ещё не теряла интерес – слишком уж необычным был сегодняшний вечер. Бурлеск. Женщины разного возраста. Блёстки. Музыка. То, что одни называли смелостью, другие – искусством, а третьи – до сих пор несерьёзщиной.

Он сидел в четвёртом ряду. Господин – с достоинством и осанкой человека, который прожил жизнь не спеша, но с выбором. Пиджак с иголки, серебристая седина приглажена, в глазах – спокойствие. Он пришёл не за чудом. Он пришёл ради внучки.

Молодой. Энергичной. Та сегодня выступала в ярком номере бурлеска: с перьями, шляпкой, задорной улыбкой. Он даже слегка смущённо покашлял, когда внучка томно подвигала бедром. Но аплодировал. Искренне. Потому что гордился. Потому что любил. Потому что, в конце концов, иногда можно позволить девчонке поблестеть.

Он посмотрел её выступление. Поаплодировал. Да, она хорошо держалась. Да, музыка была подобрана со вкусом. Да, он – горд. Но всё это было понятно. Ожидаемо. Предсказуемо.

Он уже потянулся за программкой – проверить, сколько ещё осталось номеров. И тут – свет. Сцена. Музыка. И они. Две женщины.

Обе – зрелые. Уверенные. В сверкающих костюмах, в мерцающих перчатках. Танец – в духе старого Голливуда. Движения – как у женщин, которые помнят, что такое страсть. Но одна из них... Она – как удар света.

Мария.

Он увидел сначала блёстки. Потом – глаза. А потом – всё остальное перестало иметь значение.

Её движения были отточены, но не натянуты. Она не играла роль. Она была собой – с тем самым озорным прищуром, с тем смехом в уголках губ, с тем, что нельзя назвать словами. Она не молодилась. Она сияла.

Он сидел, не дыша. Нина – хороша. Да. Грациозна, светла, нежна. Но рядом с ней Мария была как вспышка прожектора в ночи. Не потому что пыталась быть яркой – а потому что жила. В каждом шаге. В повороте головы. В лёгком взмахе руки. Как будто этот танец – не просто танец, а момент её жизни, о котором она не пожалеет никогда.

Он не сводил глаз. И впервые за вечер забыл, где находится. Забыл, что он здесь ради внучки. Забыл даже, как зовут самого себя.

Когда номер закончился, он встал. Аплодировал первым. И подумал, почти вслух:

– Я был неправ. Это не эксцентричный каприз. Это искусство. И она – его душа.

Нина и Мария вылетели за кулисы, смеясь, запыхавшиеся, но сияющие. Закулисы встретило их всплеском аплодис-

ментов – не со сцены, а от тех, кто остался за ней: другие участницы, девочки в пышных перьях, женщина с чайником в руках, пара помощников, которые не удержались и зааплодировали в ответ.

– Ты видела, как я чуть не упала на том повороте?! – воскликнула Мария, хватаясь за сердце, будто смеялась не голосом, а грудной клеткой.

– Я думала, ты специально! – хохотала Нина. – У тебя это выглядело как приём из репертуара кабаре. Стильно! Я чуть сама не подражала!

– А ты видела лицо того мужчины в первом ряду? Левее. В очках, с серым платком в кармане пиджака? Он чуть не сгорел!

– Я не смотрела в зал, – сказала Нина, обмахиваясь программкой. – Я смотрела только на тебя. Ты была... чудесная. Мария на секунду замерла.

– А ты – настоящая. Мы выступили, Нина. Мы это сделали.

Они стояли в коридоре у кривоватого зеркала, дыша глубоко, стряхивая блёстки с плеч, поправляя перчатки. За дверью всё ещё звучала музыка – чья-то следующая попытка, чья-то будущая победа. Но им было всё равно.

– Ты думаешь, у нас есть шанс на приз? – спросила Нина, но голос её был совершенно спокойным, почти ленивым.

– Думаю, да. Шанс почувствовать себя великолепно – уже реализован. А остальное... плевать, – пожала плечами Ма-

рия. – Нам с тобой не баллы важны. Нам важен свет. И мы в нём побыли. Не мираж – а настоящее.

Они рассмеялись. И в этом смехе было больше победы, чем в любом фанфарах.

Именно в этот момент дверь в закулисы приоткрылась с вежливым скрипом. Никто сразу не заметил – все были заняты снятием перчаток, благодарностями, поиском серёг. Но Нина обернулась первой. А за ней – Мария. И обе замерли.

В проёме стоял он. Тот самый. Светлая седина у висков, костюм цвета тёмного кофе, шарф, аккуратно перекинутый через плечо. Взгляд – прямой. Улыбка – неуверенная, но искренняя. Он держался сдержанно, с тем чуть замедленным достоинством, которое бывает у мужчин, проживших жизнь не торопясь, но с вниманием к выбору.

Он подошёл ближе. На полпути остановился – будто хотел дать им пространство. Но глаза были устремлены только на одну из них. На Марию.

– Простите, что вторгаюсь, – сказал он. Голос – низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой. – Я пришёл сегодня... если честно, поддержать внучку. Она выступала раньше – в ярком номере, с перьями. Я думал: ну, эксцентричность, молодость, игра. Но потом вышли вы.

Он перевёл взгляд на Нину – коротко, с уважением. И снова вернулся к Марии.

– И я... честно? Я забыл, что пришёл не ради вас. Вы не просто выступали. Вы были... центром. Светом. Я думал –

бурлеск? Перья, каблуки? Глупость. А увидел – искусство. Сильное. Женское. Глубокое. И вы... вы были его душа.

Мария не успела ничего ответить. Он сделал полшага ближе – очень мягко, не нарушая границ, и с лёгкой улыбкой продолжил:

– Простите за смелость, но... могу ли я пригласить вас после концерта на чашку кофе? Если вы не против. Не как зрителю к актрисе. А... как человеку к человеку.

Мария слегка растерялась. В её глазах мелькнуло удивление, щёки тронул лёгкий румянец. Она взглянула на Нину – и та кивнула. Тихо, с широкой, одобряющей улыбкой.

– С радостью, – ответила Мария. Потом прищурилась и чуть наклонила голову. – А внучка ваша? Не соберётся ли идти с вами на кофе?

Леонид улыбнулся чуть шире, почти озорно.

– Нет, нет. У неё свои дела – девичья компания, какие-то послетанцевальные сборища, эмоции, фотки, шум. Я там уже явно лишний.

Он сделал паузу. Взгляд вновь лёг на Марию – мягко, уверенно.

– А вот с вами – всё иначе. Вы напомнили мне, что иногда в жизни случаются неожиданные повороты. И этот вечер... один из них.

Он слегка поклонился.

– Простите, я не представился. Леонид.

– Мария, – улыбнулась она.

– Я знаю, – ответил он, и чуть тише, почти шёпотом добавил: – До встречи. Я найду вас. Но сначала – обниму победительницу. Маленькую. А вас – чуть позже.

Он ушёл. Легко. Красиво. Так, как умеют уходить только взрослые мужчины, если хотят, чтобы на них ещё долго смотрели вслед.

Дверь за ним закрылась. И на мгновение в закулисье воцарилась та самая тишина – особенная. В которой не нужно ничего объяснять.

Мария ещё стояла с лёгкой улыбкой – как будто ветер только что поцеловал её в щёку. Пальцы касались локона, случайно выскользнувшего из причёски.

Нина подошла ближе, и они обнялись. Не как победительницы. Как женщины, у которых на сердце – лёгкость.

– Ну? – тихо спросила Нина, почти шутя. – Ты ведь пойдёшь?

– Конечно, пойду, – улыбнулась Мария. – Он сказал, что я сияю. Как можно отказаться от кофе с тем, кто это заметил?

– Тогда не опаздывай. Сияние быстро остывает без тёплого взгляда.

Мария рассмеялась. Сняла каблуки, надела удобные туфли. Собрала волосы. Подошла к зеркалу, глянула – и не стала ничего поправлять.

– Я иду как есть, – сказала она. – А ты?

Нина посмотрела на свои руки – в одной блестящая заколка, в другой список участников, исписанный на репетициях.

– А я, пожалуй, прошвырнусь по магазинам. Мне нужен новый шарф. И, может быть, новая чашка. Для нового чая.

– Одна?

– Не совсем. Со мной – я сама.

Они ещё раз обнялись – крепко, по-настоящему, без слов, но со всем, что было между ними. Мария повернулась и направилась к выходу – туда, где уже ждал Леонид. Он стоял чуть в стороне, не торопясь, с тем волнением в глазах, которое выдают только плечи: чуть приподнятые, словно не знаешь, как правильно стоять, когда ждёшь кого-то важного.

А Нина вышла в другую. Туда, где витрины отражают настроение. Где вечер ещё не кончился. Где женщина может идти не к кому-то, а просто вперёд. И под светом фонарей, уже не сценических, а городских, обе были красивы. Разные. Но – наконец-то целые.

13 глава. Вторая молодость

Мария и Леонид шли неспешно, как будто боялись расплескать впечатление от сцены.

Свет фонарей ложился на мостовую тёплыми пятнами. Мария шла чуть сбоку, крепче, чем обычно, прижимая к себе сумочку – будто она и правда защищала её от вечернего ветра. Леонид держался прямо, с лёгкой, почти старомодной вежливостью – как человек, который привык сопровождать даму, но давно не делал этого.

– Вы устали? – спросил он после паузы. Голос у него был низкий, будто с лёгкой бархатной примесью, но без грубости.

– Нет, – улыбнулась Мария. – На удивление, наоборот. Такое чувство... как будто не устала, а наполнилась. Я и забыла, как это бывает.

– Вы были великолепны, – сказал он просто. – Не только на сцене. В каждом движении была уверенность. И жизнь.

Мария чуть смутилась, но не пряталась в ответ.

– А вы... тоже были заметны. Взгляд у вас... внимательный. Я почувствовала его, знаете, даже когда поворачивалась к залу спиной.

Он улыбнулся.

– Я давно не смотрел на сцену с таким интересом. Хотя пришёл... честно сказать, почти по обязанности.

– Внучка? – догадалась Мария.

– Да, – кивнул он. – Моя звёздочка. Ей семнадцать, и она с ума сходит по сцене, гриму и... – он сделал выразительный жест рукой, – блёсткам. Сказала, что если я не приду – она не будет считать выступление настоящим. Вот я и пришёл. А вышел оттуда с чем-то... неожиданным.

– Например? – Мария повернулась чуть ближе, прищурилась.

– С ощущением, что жизнь ещё не закончена. Что она может удивлять. Вы удивили меня. Без игры. Просто – были собой.

Мария чуть покачала головой, и ветер подхватил её голос:
– Я дважды вдова. Думала, уже не умею быть собой. Только "бывшей", "мамой", "бабушкой", "бывшей учительницей", "соседкой по лестничной клетке". На сцене впервые за долгое время я не чувствовала себя "бывшей". Я была просто... Марией. Женщиной.

Он кивнул.

– А я... один. Недавно. Первый раз. Не привык к этому слову – "вдовец". Оно звучит чужим. Как одежда не по размеру. Жена ушла быстро. Мир – стал тише.

Они прошли ещё немного. Молчали. Но это было хорошее молчание. Такое, в котором две души соглашаются: мы похожи. И это не страшно.

Улица вывела их к маленькому кафе. Свет из окон был тёплый, изнутри пахло выпечкой и грушевым чаем. Леонид остановился, открыл дверь и посмотрел на Марию:

– Может, зайдём? Там внутри есть столик у окна. А мне кажется, мы с вами только начали разговор.

Кафе оказалось именно таким, каким и должно быть в таких вечерах. Тихое. Небольшое. С коричневыми абажурами над столиками, ароматом ванили и корицы, и лёгкой музыкой в стиле джазовых послеполуденных пластинок.

Мария и Леонид сели у окна. За стеклом вечер уже совсем опустился на город, убаюкивая улицы мягким светом витрин.

Официантка принесла чайник и две чашки – грушевый, с мёдом и дольками яблока. Печенье – просто так, без заказа. Она будто прочувствовала: эти двое сегодня пришли не есть, а говорить.

– Странное ощущение, – начала Мария, когда они остались наедине. – Как будто мы с вами знакомы лет десять. А ведь только сегодня и встретились.

– Удивительно, да, – кивнул Леонид. – Но, может, это потому, что разговоры между людьми, у которых ничего не нужно изображать, всегда короче путь к доверию. Мы же оба уже не стараемся казаться лучше, чем есть.

Он налил чай, и на его запястье блеснули старые, но хорошо отполированные часы. Мария заметила – не часы, а жест. Аккуратность, уважение.

– А вы всё ещё скучаете? – вдруг спросила она. Слово «жена» не прозвучало, но повисло в воздухе само.

– Каждый день, – честно ответил он. – Не навязчиво. Не

с тоской. А как будто в комнате чего-то не хватает. Не предмета – звука. А вы?

Мария кивнула.

– У меня первый муж... ушёл рано. Болезнь. Я тогда ещё была молодая – и глупо верила, что после этого всё как-то само уладится. Но нет. А второй... был добрым. Надёжным. Но... не моим. Мы прожили спокойно. Почти счастливо. Но любовь – это же не только тепло. Это дрожь, неожиданность, смех, будто нечаянный. Вот такой у меня не было больше.

Леонид слушал, не перебивая. Просто держал чашку в руках, глядя на Марию с вниманием, которое редко встречается даже в долгих браках.

– Мы с женой много ругались, – сказал он. – Но всегда мирились. Не потому что надо. А потому что хотелось. Я думал, мне больше не будет интересно ни с кем. Но вы... Вы меня удивили.

Мария смущённо улыбнулась.

– Я сама себя удивила. Никогда бы не подумала, что буду сидеть в кафе после конкурса бурлеска... с женщиной, который аплодировал мне стоя.

Он рассмеялся. Тихо. С тем самым «м» на конце, которое остаётся, когда мужчина смеётся искренне:

– Никогда бы не подумал, что сценические блёстки могут прилипнуть к сердцу. Но вот сижу. И кажется, они там остались.

Они посмотрели друг на друга и замолчали. Но это была

тишина – не пустая. А та, в которой рождается: «А может... всё ещё впереди?»

Мария чуть наклонилась к нему:

– Знаете, у вас такой взгляд... будто вы умеете видеть важное. Даже под блёстками.

Он улыбнулся, глядя в чашку.

– Может, и так. Только не всегда в тех, в ком ожидал бы.

Он отпил чай, положил ложку, и взгляд его стал немного рассеянным – таким бывают глаза, когда говорят не только о людях, но и о привязанности, которую скрыть невозможно.

– У меня дочь хорошая, – начал он. – Очень. Но... всё время работает. То командировка, то график, то «пап, перезвоню». Она ведь не со зла. Просто – время бежит, а у неё всё по часам. Иногда я думаю: неужели мы с ней всё уже прожили? Потолкали детскую качельку – и всё? Теперь только короткие звонки в перерывах между встречами?

Мария слушала, не отводя взгляда. Он не жаловался. Он говорил, как есть.

– Зато внучка – это подарок. Умная. Весёлая. Между нами нет этой драмы поколений. Она всё понимает. Присылает мне открытки. Меми. Да-да, эти самые, в интернете. Смешные, с котами и подписями. А я... смеюсь. И думаю: вот с ней у меня получилось не просто быть дедом. А быть нужным.

Мария кивнула. Словно внутри неё отозвалось то же.

– У меня так же, – тихо сказала она. – Даниэль – младший внук. Такой... живой. Он даже не просто приезжает –

он входит в дом, как в место, где ему рады. Своими руками цветы приносит. Слушает мои истории, хотя я сто раз их рассказывала. И говорит, что скучает. Без повода.

Она на секунду задумалась, подбирая слова.

– Есть ещё Марк. Старший. Он... ну, взрослый. Сложный. Вечно в делах. Холоден – не со зла, просто весь из цифр, планов, обязательств. Звонит редко. Почти не приезжает. А я не обижаюсь. Я просто... привыкаю.

Леонид слушал, не перебивая.

– А дочь? – тихо спросил он.

Мария сразу улыбнулась – с теплом. С болью.

– Моя девочка – хорошая. Заботливая. Звонит почти каждый день. Но приехать... У неё слабое здоровье. Частые болезни. И ей самой нужна забота, даже если она старается не показывать. Мы с ней будто в телефонной нити живём. Связь есть, но объятия – только в воспоминаниях. Я понимаю. И всё равно жду. Как мать. Без обид. Просто – жду.

Леонид слегка наклонился к ней. Словно хотел, чтобы она знала: он услышал. И понял. До конца.

Когда они допили чай, когда печенье осталось нетронутым, но разговор – насыщенным, когда паузы стали не молчанием, а подтверждением, что говорить можно было бесконечно – Леонид посмотрел на Марию иначе. Уже не как зритель. И не как вежливый кавалер. Как на женщину, которую не хочется терять из поля зрения.

– Скажите, Мария... – он достал телефон, немного неуве-

ренно, будто спрашивал разрешения на то, что давно решил. – Можно ли... оставить ваш номер? Не навязываюсь. Не с намёками. Просто... Может, мы с вами как-нибудь ещё попьём чаю. Или кофе. Или просто погуляем.

Мария чуть смутилась – не от слов, а от того, как давно никто так не спрашивал. Не «давай запишу», не «подскажи номер», а именно – можно ли. С уважением. С паузой. С местом для «нет», если оно потребуется.

– Конечно, можно, – сказала она. И продиктовала. Без лишних комментариев. Но с улыбкой – такой, какая появляется на губах только тогда, когда внутри вдруг становится тепло.

Он записал. Показал, чтобы убедиться – верно.

– Это вы? – спросил, показав имя на экране: «Мария (та, что сияет)».

– Ах вы... – Мария рассмеялась, прижав руку к груди. – Ну, теперь вы точно получите ответ.

– И я отвечу первым, – сказал он. – Как только захочу снова услышать этот ваш смех.

Она встала. Он встал тоже. Не помогал – просто встал рядом. Не касался. Но был рядом так, что воздух между ними стал чуть ближе.

– Мне пора, – сказала Мария. – Меня ждёт подруга. Она первая узнает, что я сегодня после сцены ещё и... не ушла в тень.

– А я пойду к внучке. Её нужно поздравить. Но сегодня,

Мария, вы выступили за двоих. Я это точно запомню.

Они распрощались у дверей кафе – без объятий, без поцелуев, но с тем взглядом, который бывает только у взрослых людей: если сама жизнь нам дала эту встречу – значит, она всё ещё пишет дальше.

Мария вышла на улицу. Пальцы сжимали телефон. Щёки горели – не от румян, а от жизни. И шаги её ускорялись. Потому что где-то там – за парой улиц – ждала Нина. И нужно было скорее поделиться этим вечером, который пах грушевым чаем и начинался с аплодисментов, а закончился – лёгкой надеждой.

Нина открыла дверь ещё до звонка – будто чувствовала: подруга уже у лестницы.

– Ну как?! – спросила она ещё в прихожей, не дав Марии ни раздеться, ни вдохнуть.

– Подожди, дай пальто снять, – смеясь, Мария повесила одежду на крючок и уже в ботинках вошла на кухню. – Сейчас расскажу всё!

Нина поставила чайник, достала два пирожных, которые «случайно остались» со вчерашнего вечера, и села напротив, упёршись локтями в стол, как школьница, готовая слушать сплетни века.

– Ну? – снова спросила она. – Говори уже!

Мария села. И выдохнула.

– Он галантный. Такой... как из фильма. Но не напускной. Настоящий. Говорит красиво, но не перешагивает гра-

ницу. Глаза – глубокие. И знаешь, Нина... я рядом с ним не чувствовала себя старой. Я вообще не чувствовала себя «в возрасте». Я чувствовала себя – интересной. Живой.

Нина растаяла в улыбке.

– Вот это я понимаю – кофе после сцены! А ты смеялась, когда я говорила: «Ты сегодня сияешь». А ты, выходит, сверкала так, что мужчина забыл о собственной внучке!

– Не забыл! – всплеснула руками Мария. – Он к ней пошёл потом. Он – вдовец. Недавно. С дочерью редко общается – та вечно занята. Но с внучкой дружит. Говорит, что она ему жизнь продлевает. А потом...

– Потом? – Нина нависла над столом, как сыщик.

– Потом мы пили грушевый чай, говорили о семьях, о сцене... И он попросил мой номер.

– И ты?

– Дала, конечно.

– О, Мария... – Нина подалась вперёд, обняла её за плечи. – Я так рада. По-настоящему. Он тебе подходит. Он не хвастается, не давит, он... смотришь на него и понимаешь: с этим человеком можно молчать, не теряя смысла.

– Именно. Ты всё почувствовала. Я не знаю, будет ли что-то дальше. Но знаешь... сегодня он подарил мне вечер, которого я не ждала. И я ему благодарна. Просто за то, что он есть.

Они молчали. На плите закипал чайник. В окне мягко светили фонари. Мария улыбалась, чуть уронив голову. А Нина

смотрела на неё с теплом, как на кого-то, кто прошёл сквозь холод и вышел в свет.

Телефон Марии завибрировал на подлокотнике кресла. Она взглянула на экран, и сердце на мгновение сбилось с ритма.

Клара.

Нина сразу уловила перемену в лице подруги:

– Всё в порядке?

Мария кивнула, но прежде чем ответить, уже взяла трубку:

– Алло?

– Привет, – голос Клары был спокойный. Тот самый, немного уставший, чуть хриловатый, как будто она долго думала, прежде чем набрать.

– Я... хотела спросить, что ты делаешь в выходные.

– В выходные?... – Мария даже растерялась.

– Пока не знаю. А что?

– Просто подумала... вдруг ты всё ещё ходишь на бурлеск.

Хотела узнать, не забросила ли ты это.

Мария рассмеялась – легко, по-доброму:

– Забросить? Да мы с Ниной сегодня выступали. На сцене. С блёстками. С прожекторами. Зал аплодировал стоя. Представляешь?

На том конце – пауза. Тёплая. Неловкая. Но не глухая – светлая.

– Правда? – наконец сказала Клара. – Я рада за вас. Я...

тогда, помнишь, сорвалась. Глупо всё вышло. Прости. Мне, наверное, стоило сразу рассказать дома, что я – живая. Что я тоже имею право... быть не только матерью и вдовой. А просто собой.

– Я тебя не осуждала, – ответила Мария. – Я знала, что ты поймёшь – со временем. И я рада, что это время пришло.

Сделала паузу. И добавила: – Хочешь... давай на следующей неделе соберёмся втроём? У меня. Без сцен, без блёсток. Просто чай, печенье и фото. Поболтаем, как раньше.

На том конце – вдох. Тихий. Настоящий.

– Конечно, хочу, – сказала Клара. – Я по вам скучала. Очень. И больше не хочу прятаться.

– Вот и договорились, – мягко сказала Мария.

Они попрощались. Мария медленно положила телефон, посмотрела на Нину.

– Мы снова втроём.

Нина кивнула. А потом, обняв подругу, сказала:

– Ну что ж, теперь у нас есть официальный повод обсуждать чужих кавалеров. И один из них – твой.

Обе рассмеялись – легко, с тем самым девичьим заговором, который не знает возраста.

Мария ушла, оставив после себя шлейф духов и тишину, в которой оставалось только одно – спокойствие. Нина стояла у окна, пока та не скрылась за углом. Потом подошла к телефону, села на диван и, не раздумывая, нажала «позвонить». Анна.

Гудки. Один. Второй.

– Бабушка! Привет! – в трубке зазвучал знакомый голос – бодрый, взрослый, но с тем самым оттенком, который она всегда ждала: тёплый.

– Здравствуй, моя девочка. Как у тебя день?

– Да нормально. Немного устаю, конечно... отчётность, квартал, цифры – бухгалтерия не ждёт вдохновения, – рассмеялась Анна.

– Зато порядок в жизни поддерживает, – улыбнулась Нина. – Ты умница. Как всегда.

– Я хотела приехать, правда... Но не получилось. Снова завал на работе. А билеты, как назло, все раскупили.

– Ничего страшного, – сказала Нина спокойно. – Я сама приеду к тебе. Надо же тебе передать один чудесный лак для волос. Он и блестит, и держит форму. Подходит только тем, кто умеет быть собой.

Анна рассмеялась:

– Тогда он точно мой. Приезжай, бабуль. Только пообещай, что останешься на ночь. А лучше на две.

– Договорились, – мягко ответила Нина. – Обнимаю.

– И я. Очень сильно.

Разговор оборвался, оставив после себя не пустоту – а тихую радость.

Нина отложила телефон. На столе стояла чашка с остатками чая. В окне темнело. И всё внутри было на своих местах.

Пусть многое в жизни не сложилось – но их связь была –

крепкая. Незаметная. Но настоящая. И в этом было больше любви, чем в громких фразах.

14 глава. Возвращение без возврата

Мария успела всё. На столе – тёплая скатерть с цветами, два сорта печенья (одно покупное, второе «для приличия» – домашнее), заваренный чай в пузатом чайнике и, конечно, распечатанные фото с конкурса: чуть смазанные, зато с характером.

Она щёлкнула выключателем абажура – мягкий свет наполнил комнату золотистыми тенями. На себе – удобное платье и... фартук. Но не обычный, а с пайетками. Нина, когда увидит, точно поднимет бровь. А Клара – закатит глаза и скажет: «Ну начинается бурлеск в быту».

Но Мария не передумала. Фартук был символом. Тихим, но красноречивым: да, я снова хозяйка. И снова женщина. Одновременно.

Первой пришла Клара. С коробкой зефира и духами, от которых пахло мартом, даже если был октябрь.

– Ух ты, – сказала она с порога. – У тебя тут как на съёмочной площадке. Ты меня случайно не собираешься снимать в рекламе печенья?

– Если ты будешь его есть – да, – парировала Мария. – Проходи. Фартук оценишь потом.

Клара повесила пальто, огляделась.

– Скатерть – новая. Подозреваю, в честь нашего возвращения.

– В честь того, что мы ещё не устали собираться.

– Ну-ну, – Клара уселась. – Осталась только наша танцовщица-почетная – и можно разливать.

В дверь позвонили. Нина. С платком на шее, с подарочной коробочкой чая в руках и с тем выражением лица, которое бывает у человека, готового обниматься, смеяться и пить три чашки подряд.

– Здравствуйте, дамы, – сказала она с театральным поклоном. – Я пришла без пирожных, но с хорошими новостями.

– Проходи. Печенье есть. Ты – наш третий уголок, без тебя разговор не держится, – подмигнула Мария.

Они расселись. Кружки были разные – из тех, что собираются годами. В одной – с голубыми цветами – был ромашковый. В другой – чёрный с бергамотом. Третья ждала Клару.

Фото с конкурса лежали в центре. На них – блёстки, перья, руки в воздухе, улыбки, застывшие в танце.

– Вот это мы... – пробормотала Нина, беря одну.

– Это мы настоящие, – сказала Мария.

И начался вечер.

Пока Нина разливала чай, Мария раскладывала салфетки, а Клара делала вид, что не замечает, как под ней скрипит старый диван, разговор – как всегда – начался ни с чего и сразу обо всём.

– Ну, рассказывай, – кивнула Нина в сторону Клары. – Как

твой герой?

– Мой герой... ходит, – торжественно произнесла Клара, делая глоток. – С костылями, важно, как на подиуме. На врача больше не полагается. Всё сам, всё сам. Даже на процедуры без меня ездит.

– Мама ему больше не нужна? – подыграла Мария, притворно хлопая ресницами.

– Именно, – Клара откинулась на спинку. – Видимо, теперь я – просто стиральная машина на паузе. Без функции “обнять и утешить”.

– Ну... – протянула Нина. – Это даже хорошо. Значит, идёт на поправку.

– Да. Но мне всё равно, знаешь ли, немного... непривычно. Вчера говорит мне: «Мам, может, я сам разберусь с едой?» Я села. Сразу. Он сам! А я что? Я привыкла быть необходимой. А теперь – всё. Слезоточивый период объявлен закрытым.

– Ты объявила? – уточнила Мария.

– Да. Официально. Больше не вытираю никому сопли. Ни сыну, ни подругам, ни себе. Теперь я взрослая. И в состоянии, между прочим, отличить жалость от заботы.

– Тогда поздравляем, – подняла кружку Нина. – Добро пожаловать в клуб.

– Какой?

– Клуб женщин, которые устали быть «надеждой и опорой» и теперь просто – пьют чай.

Все рассмеялись. У каждой в этом смехе было что-то своё: у Клары – облегчение, у Нины – благодарность, у Марии – признание.

На столе лежали фото, на коленях – пледы, в чашках – ещё тёплый чай. И вечер был только в самом начале.

– А я, девочки, в выходные поеду к Анне, – сказала Нина, словно между прочим, поправляя платок у шеи. Тон был спокойный, но в нём слышалось: слова подбирались тщательно.

Клара сразу отозвалась:

– В гости? Ну, молодец! Надеюсь, на этот раз без сбоев в расписании?

– Она работает, – кивнула Нина. – Сейчас у них отчётный сезон, всё строго. Но сказала, что найдёт пару часов для бабушки. А я... ну, просто соскучилась.

Она сделала глоток чая. Повисла короткая пауза. Чуть длиннее, чем уместно. Мария кивнула. Улыбнулась. Очень сдержанно.

Анна. Та самая Анна, с которой ее дорогой внук Даниэль ходил за руку, строил планы, носил её куртку на своих плечах и однажды сказал: «Бабушка, кажется, это она». Мария почти поверила. Почти пустила в сердце. Почти привыкла. А потом – Анна исчезла. Не скандалом. Не ссором. Просто – перестала быть. Без слов, без объяснений, как будто никакого «мы» никогда и не было. Даниэль долго не показывал виду, но Мария знала: он болел. А она – тоже болела. Только

тихо. И глубже. Потому что так не уходят от того, с кем были настоящими.

С тех пор имя Анны звучало редко. И никогда – просто так.

Но сейчас – это была Нина. Подруга. И Мария знала: если та решила заговорить об этом, значит, не просто так.

Она сделала вид, что всё в порядке.

– Ей привет передай, – сказала Мария. Тон был ровный, почти тёплый. Но слишком идеально ровный. Слишком беззубо тёплый.

А потом добавила – уже чуть тише, но без остроты:

– Главное, чтобы тебе было хорошо.

– Конечно, – Нина кивнула. И чуть отвела взгляд. Она знала. Знала, что Мария держит боль под слоем вежливости. И потому старалась не говорить об Анне лишнего.

Но... сегодня – хотелось поделиться. Хоть капельку. Чтобы напомнить: у каждой из них есть свои ниточки, которые связывают и тянут – порой в разные стороны.

– А теперь ты, – сказала Нина, чуть склонив голову. – Леонид. Парк. И...?

Клара даже отодвинулась от стола, с интересом подалась вперёд:

– Ну-ну. Только не вздумай утаить плед! Мы уже знаем, что был.

Мария рассмеялась – с тем самым вздохом, с которым вспоминают нечто неожиданно приятное.

– Ладно. Рассказываю.

Она сделала паузу. И – как будто взяла в руки воспоминание, отряхнула от пыли и положила его на стол между подругами.

– Мы встретились у фонтана. Он пришёл с пакетом. Я, как приличная женщина, подумала: принес бутерброды. А он достаёт оттуда – два пледа. Один – мягкий, в клетку. Другой – однотонный, серый.

– А зачем два? – перебила Клара.

– Слушай дальше, – Мария улыбнулась. – Один – для меня. А второй он аккуратно разложил на скамейку. Сказал: «Вы не должны сидеть на чём попало».

Подруги прыснули со смеху.

– Я уже там почти влюбилась, – продолжила Мария. – А он ещё добавил: «Я уважаю ваш костюм. Даже если он под пальто».

– Ну он вообще... артист, – покачала головой Нина. – И стиль, и текст. Ты уверена, что он не бывший ведущий утренней телепередачи?

– Я уверена, что он просто – воспитанный. А таких, простите, как перчаток в стиле бурлеска: днём с огнём не сыщешь.

– И как вы провели время? – с ноткой настоящего интереса спросила Клара.

– Гуляли. Говорили. Он рассказывал про молодость, про жену. Про внуков. А потом сказал, что дома у него – стоит

распечатанная моя фотография со сцены.

– Что?! – вскрикнула Клара. – Он её повесил?

– Пока нет, – хихикнула Мария. – Но если купит магнит с моим лицом и прицепит к холодильнику – я подумаю, что это серьёзно.

Нина смеялась. Но смеялась не просто над шуткой. Она смотрела на Марию с теплом, почти с сестринской гордостью.

– Ты знаешь, – сказала она тихо. – Мне кажется, ты наконец встретила того, кто не боится... тебя. Тебя всю. И с фартуком, и с сценой, и с тишиной.

Мария кивнула.

– Я не знаю, что будет дальше. Но сегодня он сказал: «С вами рядом всё как будто... легче. Даже тишина не пустая».

– Звучит как начало чего-то хорошего, – улыбнулась Клара.

– Или как окончание одиночества, – добавила Нина.

Мария не ответила. Только взяла кружку, и чай внутри показался теплее.

На столе почти не осталось печенья. В кружках – чай уже стал тёплым, но никто не спешил пить. Смех всё ещё витал в комнате – не как звук, а как состояние.

Нина вытянула ноги вперёд, положив плед на колени.

– Девочки, вы понимаете, что мы устроили себе праздник. Без торта, без свечей, но с чувствами, от которых теплее, чем от любого шампанского.

Клара подкинула:

– И главное – без мужчин, которые лезут советовать, как правильно заворачивать плед.

– Или как не выставять себя на сцене, – добавила Мария. Обе посмотрели на неё, и они рассмеялись втроём.

Потом Нина взяла кружку и чуть приподняла:

– Давайте поднимем тост. За то, что мы умеем быть. Не женами. Не матерями. Не вечно нужными. А – просто собой. И что этого... достаточно.

– И за то, – сказала Клара, – что даже если всё пошло не так – мы всё равно найдём, где купить новый фартук. С блёстками.

– И за то, – подхватила Мария, – что даже если нас бросили, забыли, не позвонили, мы всё равно выйдем в свет. С платком, с осанкой. И с достоинством.

Чашки коснулись друг друга – негромко. Но достаточно.

Потом – обычные вещи. Сложили салфетки. Клара помогла Марии унести тарелки на кухню, Нина собрала фото. Разговор уже был спокойным, без ярких фраз, но с тем светом, который остаётся после главного.

Клара ушла первой.

– Меня завтра на УЗИ, – сказала она, надевая пальто. – Нет, не радуйтесь. Не беременна. Просто профилактика.

Они засмеялись.

Нина осталась ещё на пару минут. Выходя вместе с Марией в подъезд, задержалась у двери.

– Ты знаешь... – сказала она, чуть повернувшись. – Ты мне всегда казалась сильной. Но сейчас – ты... счастливая.

Мария не ответила сразу. Она смотрела, как фонарь на улице отражается в окне соседнего дома.

– Я просто... разрешила себе быть живой. И знаешь, Нина... Это не страшно. Это – вкусно.

Они обнялись. Тихо. Без слов. И в этом объятии было всё: прожитые годы, несказанные обиды, непрошенные прощения, и главное – любовь. Та, которая не требует доказательств. Потому что уже есть.

Мария закрыла дверь. Осталась наедине с тихой, светлой тишиной. А Нина шла по улице, закутавшись в шарф, и думала о том, что когда у женщины есть подруга – даже тишина в квартире звучит мягче. Потому что где-то рядом смеются две чашки. И ждёт ещё один вечер.

Эпилог

Они всё так же ходили на бурлеск. С перьями, с накидка-ми, с боевым настроением и неизменным термосом с чаем в раздевалке. Мария – с достоинством, отточенной походкой и новой помадой, которая стала её личным талисманом. Нина – с привычной лёгкой сумкой и искренней улыбкой, как у школьницы, которая всё ещё немного боится сцены, но уже знает, что может сиять. Клара – с заявленным девизом «Я женщина, и мне это не надоело». Она честно объяснила домочадцам, что устала быть только их «мамой», «няней» и «дежурной по стирке». Теперь она тоже – участница. Со своими танцами, своими ошибками и своим блеском.

Леонид, поначалу восхищённый, со временем стал... немного ревновать. Он намекал Марии, что, может быть, бурлеск – это уже пройденный этап. Что женщинам с таким светом не стоит так часто выходить в общество – мало ли кто ещё заметит.

Мария слушала. Кивала. Улыбалась. А потом шла на занятие. Потому что она могла быть и любимой, и собой – одновременно.

Нина съездила к Анне. Привезла лак, пирожные и парочку обнимашек. Вернулась довольная и вдохновлённая. Сказала, что теперь точно знает: она ещё кому-то нужна – просто так, без расписаний и обязательств.

После уроков они всё так же ходили втроём: то в кафе – обсуждать чьи-то причёски, то по магазинам – подбирать шарф, который «точно подчёркивает скулы», то к Марии – пить чай и смотреть старые фото.

И никто уже не спрашивал, зачем они это делают. Потому что ответ был прост: потому что хочется. И потому что могут. И пока в зале звучала музыка, а на плечо ложилась лёгкая бахрома, они знали: это не просто танец. Это – их жизнь. И она, наконец, принадлежала им самим.

Заключение

Любовь – это не стирка. Не ежедневное исчезновение в заботах, чужих ожиданиях и списках «надо». Не растворение в ролях – жена, мать, соседка, сотрудница. Любовь – это не когда ты забываешь себя, чтобы быть удобной другим.

Любовь – это когда ты, просыпаясь утром, не отворачиваешься от зеркала. Когда ты смотришь на своё лицо – уставшее, живое, немного взъерошенное – и не ищешь изъянов, а видишь: ты есть. Ты – ценность. Не из-за возраста, фигуры или достижений. А просто потому, что ты – ты.

Принять себя – значит вернуть себе свет. Сначала тихо, как свечу. А потом – ярче. И тогда ты начинаешь светиться. По-настоящему. И этот свет видят другие. И начинают тянуться. Не к блёсткам. А к тому, кто изнутри не гаснет.

Не надо бояться быть собой. Не надо стесняться своего счастья, своей свободы, своей красоты – даже если она не вписывается в чужие шаблоны. Меняй себя. Меняй мир вокруг. Потому что если ты позволишь себе сиять – возможно, кто-то рядом тоже осмелится. И зажжёт свой свет.

А мир станет – хоть немного – но теплее.

КНИГА ВТОРАЯ

ЛАВАНДОВЫЙ ТАНЕЦ

Вступление к книге «Лавандовый танец»

Каждая женщина хоть раз танцевала в одиночестве – среди боли, среди запахов прошлого, среди безмолвных прощаний.

« Лавандовый танец » – это история не о любви, а о том, что наступает после неё. Когда ты больше не ждёшь – но сердце всё ещё помнит. Это книга о грации души даже в самых тихих потерях.

Предисловие

Что такое любовь? Мимолётное чувство, что ускользает с первым разочарованием? Или сила, что способна стать смыслом всей жизни?

Истинная любовь – не о требованиях. Она не просит, не требует, не уговаривает. Она просто есть. Спокойная, глубокая, готовая ждать, отдавать, заботиться – даже в тени. Она может остаться незаметной для мира, но внутри тебя горит свет, который не гаснет с годами. Ты любишь – не чтобы получить, а потому что иначе не можешь.

Эгоистичная любовь – другая. В ней нет дыхания – только голод. В ней ты ищешь не человека, а спасение. Хочешь, чтобы тебя выслушали, поняли, приняли, забывая, что рядом – живое существо, а не зеркало твоих нужд. Такая любовь разрушает – сначала того, кого ты якобы любишь, а потом и тебя самого. Она уводит от света, осушает, оставляет пустоту.

Любить – значит быть. Быть рядом. Быть молча. Быть искренне. Без условий. Как понять, что любовь – ложная?

Иногда она прячется за красивыми словами, вниманием, совместными планами. Но если тебе одиноко рядом с любимым – это не любовь. Если тебе страшно быть собой – это не о чувствах. Это про страх потерять, про зависимость, про тишину, которая кричит.

Анна – не знает, как распознать эту границу. Она путает-

ся в себе, в людях, в ожиданиях. Всё вроде бы как у всех – друзья, дела, встречи, но всё не то. Внутри – будто осень, бесконечная, мокрая. Улыбка есть, а вкуса у жизни – нет. Она боится будущего. Боится признаться себе, что утратила себя. Сейчас она стоит на грани: между тем, чтобы сдаться – и тем, чтобы начать слышать себя заново. Выйдет ли из этого лабиринта? Способна ли научиться любить – не ради кого-то, а потому что её сердце живо?

1 глава.

Как я встретила тебя

– Прости... но мы не можем быть вместе. Если бы ты пришла ко мне в любви – я, наверное, удивился бы. Мне было бы приятно, польщённо. Но ты должна знать: между нами ничего не может быть. Ты – милая, красивая, достаточно умная. И я уверен, что ты встретишь кого-то, кто сделает тебя счастливой. ...Так, о чём ты хотела поговорить?

В тот миг что-то внутри Анны треснуло – как стекло от удара. Сердце распалось на осколки, душа застонала, лишённая опоры. Боль, словно тонкий лёд, затянула её изнутри – и не отпускала. Прошли годы. Казалось бы – пора забыть. Эти слова давно должны были стереться, как следы на песке. Но Анна не приняла их. До сих пор.

«Как во мне вообще родилось это чувство? Любовь... Настоящая. Горячая. Беспокойная. Она не даёт мне спать, бросает в жар, мучает... Я была уверена, что ты тоже чувствовал

это. Разве не ты смотрел на меня с такой нежностью? Разве не ты молчал, как будто берег? А потом – просто вычеркнул. Без обид, без пауз. Ты отверг меня – холодно, будто я никогда не значила ничего. И я, на глазах у всех, упала. Внутри – в пропасть, где нет ни света, ни смысла.»

– О чём задумалась? – голос Мари прозвучал резко, но в нём пряталась тревога. – Дай угадаю. Снова мысли о том парне, который не разглядел в тебе настоящую женщину? Сколько можно? Посмотри в зеркало, ты скоро морщинами покроешься, подруга.

В глазах Мари было отчаяние, усталость и нежность. Прошло десять лет. Десять лет она пыталась спасти подругу от самой себя. Водила её в парки, затаскивала в салоны красоты, знакомила с мужчинами, устраивала вечеринки – но всё напрасно. Рана в сердце Анны не заживала. Ни на день.

– Я не думаю, Мари. Тебе опять показалось, – Анна не подняла головы, поглощённая работой. – Я занята. Отчёт должен был быть сдан ещё вчера. Ты ведь знаешь, что если бы ты меньше витала в облаках и пореже любовалась собой в зеркале, у тебя была бы работа, и ты бы росла в карьере. Ты ведь понимаешь, что за такую легкомысленность тебя могут уволить?

На губах Анны мелькнула улыбка – сдержанная, почти машинальная. Работа стала для неё спасительным якорем. Здесь всё было под контролем: дедлайны, таблицы, чёткие цели. Не получив признания в любви, она нашла опору в

профессионализме. Карьера стала её жилеткой, в которую можно было тихо плакать. Целью, которая не предавала. Средством, чтобы не потерять вкус к жизни. Она многого добилась, и теперь это позволило друзьям отвлечься от её личной драмы.

А друзья... они были самой обычной молодой парой. Такими, какими бывает большинство: простыми, довольными, спокойными. Без высоких стремлений, без вечных поисков смысла. Поженились рано, как по расписанию. Ожиданий от них было немного – но и разочаровать они никого не могли. В них было что-то трогательное – какая-то тёплая, почти детская вера в хорошее. Надежда, что всё будет хорошо – несмотря ни на что.

Анна не умела так. Умные не умеют. Чем больше знаешь – тем сильнее сомневаешься. Она знала слишком много. В двадцать восемь Анна была рассудительна, начитана, проницательна. И, как это часто бывает, всё это мешало ей быть просто счастливой.

– Послушай, скоро обед. Я подумала: а что если нам с тобой выбраться в кофейню через дорогу? Помнишь, ту самую? Да-да, и прежде чем ты начнёшь смеяться – да, я взяла номер телефона бариста. И да, я собираюсь позвонить ему сегодня вечером. Но сначала – я хочу, чтобы мы с тобой заглянули туда. Просто так, невзначай. Подмигнём. Пусть весь оставшийся день он ломает голову – кто из нас в него влюблен.

Мари буквально светилась. Щёлкала каблуком по полу, как по подиуму, и явно не собиралась сдаваться.

– Помоги мне, ну пожалуйста. Вдруг и тебе подвернётся какой-нибудь мистер Дарси? Это заведение с высоким рейтингом, ты же сама говорила. Вдруг повезёт? Сегодня – наш день!

Анна усмехнулась устало, но с лёгкой иронией.

– Если ты снова решила заняться сводничеством, то я пас. Ты ведь знаешь – такие, как я, утешение ищут не в свиданиях, а в романах. Причём желательно, чтобы в них был замок, чопорный герой и дождь.

Она указала на себя, как актриса, выходящая на сцену трагикомедии:

– Рубашка – минимум на три размера больше. Макияж? Отсутствует. Прическа – продукт капризного ветра и утренней лени. Мне бы только веник в руку – и да, ты права, меня, возможно, и заметит уборщик. По профессиональной солидарности.

Анна театрально вздохнула, пряча улыбку.

– Нет, Мари. Я лучше останусь в тени. У меня запланировано тридцать минут без людей, без флирта, без кофе. Только я, Элизабет Беннет и её бесконечно холодный, но всё-таки ранимый мистер Дарси. Поверь, ради такого обеденного перерыва стоит жить.

– Ты опять думаешь только о себе. А моё счастье? Ты ошибаешься, если считаешь, что мужчинам нужна только краси-

вая картинка. Один из моих бывших был таким же, как ты – занудный книгочей. Боже, как было скучно с ним. Я уснула прямо на свидании. Вы бы с ним прекрасно подошли – пара синих чулок, ха-ха!

Мари потянулась за карточкой и телефоном, смахнув локонь с плеч. Она была готова ко всему. Приталённое платье, уверенный шаг, каблуки, звенящие в коридоре. Макияж безупречен, прическа – как с глянца. Мари была настоящей офисной пантерой, готовой к охоте. Сегодня она поборется за сердце робкого бариста, который недавно переехал в их город и ещё не знал, на кого нарвался.

– Ладно, – вздохнула она с мягким выражением, почти с лаской. – В этот раз не буду настаивать. Ты меня убедила. Продолжай жить чужими историями. Прячься в книгах. Знаешь, что отличает нас от романов? Мы умеем чувствовать. Мы живём – радуемся, плачем, страдаем. Иногда нам разбивают сердце. А иногда – это делаем мы.

Мари облокотилась на стол и посмотрела на Анну так, будто в глубине души всё равно продолжала за неё бороться.

– Мари, ты используешь моё же оружие против меня? – Анна закатила глаза. – Ладно, сдаюсь. Победа за тобой. Я пойду. Но только чтобы доказать: это была ужасная идея, и на меня никто даже не взглянет. Зато на твоём фоне я буду выглядеть как тень, а ты – как ангел, сошедший с небес.

Нехотя она начала складывать вещи в сумочку. Глубоко вздохнула и бросила на Мари многозначительный взгляд.

Обеденный перерыв, казалось, будет испорчен разговорами о прошлом, о том, чего уже не вернуть, и о мечтах, которые пока не грозят сбыться.

Они вышли на улицу. На узких улочках сегодня было весьма оживленно. Кипела работа в каждой лавочке: люди покупали цветы, колбасу, чай на вынос. Из-за столпотворения было тяжело дышать. Анна и Мари постарались как можно быстрее пробраться к кофейне и не стать жертвой карманника.

Внутри, к их удивлению, было тихо. Анна не так уж часто бывала здесь – и теперь могла наконец рассмотреть всё как следует. Солнечные лучи лились сквозь высокие окна, где-то в углу лениво звучал Фрэнк Синатра. Мягкие синие сидения, лакированные столы из тёмного дерева, приглушённый свет – всё говорило о вкусе и заботе. Место было романтичным, уютным и каким-то почти домашним.

– Доброго дня и хороших продаж! – звонко проговорила Мари, подмигнув бариста. – Мне, пожалуйста, большой капучино и булочку с корицей. Анна, ты что будешь?

Её голос звенел от радости. За стойкой стоял он – тот самый бариста, герой её планов и повелитель сегодняшнего обеда.

– Я хочу латте с ореховым сиропом. И больше ничего, спасибо, – Анна слегка улыбнулась. На её лице впервые за долгое время появилось что-то похожее на удовлетворение. Пусть ненадолго, пусть через кофе – но это было ощущение

тепла. Утешение, не взятое из книг.

– Вот ваш заказ. Приятного аппетита, – бариста поставил поднос, чуть нервничая. Это была их вторая встреча за эту неделю. Он помнил тот день – тот самый, когда написал свой номер на её стакане, надеясь, что Мари откликнется. Ждал звонка. Или хотя бы взгляда. Сегодня – был его шанс.

– Лови свой кофе, – сказала Мари, пододвигая поднос. – Опять латте. Ты верна своим кофейным традициям. Скажи честно: этот латте... или твоя застиранная рубашка... они как-то связаны с тем самым парнем?

Она посмотрела прямо в глаза.

– Скажи мне. Правда. Облегчи душу. Я не буду осуждать. Я приму всё, что ты скажешь. Любое решение, даже самое странное.

Прошло столько лет. А ты всё никак не отпустишь его, да? Он был каким-то особенным?

Мари говорила это не в первый раз. Но сегодня – как будто последний. Она устала смотреть, как угасает подруга. Как глаза, в которых когда-то было солнце, теперь прячут только серость и тень. Для Мари это было не дежурной заботой. Не попыткой развлечь. А миссией. Болью. Настоящей дружбой.

Каждый день, приходя на работу, она видела, как Анна становится всё тише. И от этой тишины – самой хотелось кричать. Она не могла больше молчать. Не могла позволить подруге раствориться в тоске. И потому решила: пойти в наступление. Рискнуть. Заставить её заговорить.

– Мари... боюсь, один обеденный перерыв – это слишком мало, чтобы рассказать тебе обо всём. Обо всей моей боли. О самом тяжёлом, что я когда-либо переживала. Я приношу страдания тем, кто рядом. Мои постоянные спутники – страх за будущее и отчаяние. Я выплакала все слёзы, скорбела по непостижимому, верила в то, чего не было, и надеялась на то, что не суждено. Ты права. Я пью этот кофе – потому что он напоминает мне о нём. О наших встречах. О том первом моменте, когда я поняла, что люблю. Это было за чашкой латте. Он смотрел мне в глаза. Говорил о математике, о формулах, о решениях... но мне казалось, он говорит обо мне. Его голос был спокойным, движения – плавными, почти гипнотическими. А глаза... светло-голубые. Они вырезали его имя в моём сердце навсегда. Да, Мари. Я всё ещё люблю его. Он – особенный. Единственный. Я, как преданный пёс, которого выгнали за ворота, продолжаю звать. Скулить. Надеяться. Он не обидел меня. Никогда не унизил, не кричал. Он был вежлив, тактичен, почти безупречен. И, может быть, в этом всё дело. Я нарисовала в уме образ мужчины без изъянов. И теперь не могу отпустить его. Он стал для меня идеалом. Идеалом, который съедает меня изнутри.

Глаза Анны наполнились слезами. Воспоминания вновь обрушились – будто и не было этих десяти лет. Имя, не дававшее спать. Образ, не покидавший ночи.

Даниэль.

Правильные черты лица. Светлые, чуть волнистые воло-

сы. Блистательная улыбка. Его невозможно было забыть. Он был галантен, обаятелен. Умел угодить, утешить, закончить спор без единого крика. Он озарял всё вокруг. Его слова обволакивали – в них хотелось раствориться. А главное – он умел чувствовать. Видеть чужую боль. Сопереживать. Он умел вдохнуть в израненную душу новые силы. Было ли это даром? Или умением, выученным из книг по психологии? Анна не знала. Но знала точно: тот, кто однажды встретил Даниэля, уже не мог жить без него.

– Анна... Я люблю тебя больше всех на свете. Ты – моя лучшая подруга. Прости. Прости за всё. Я дразнила тебя, лезла с советами... Если бы я знала, насколько глубокая у тебя рана, я бы ни за что...

Мари взяла Анну за руки. Слова застревали в горле. Вина сжимала грудь – так сильно, что стало трудно дышать. Она ведь просто хотела помочь. А причинила ещё больше боли.

– Мари, не кори себя. Правда. Часть этой вины – на мне. Ты хотела мне добра. Ты была рядом, когда я молчала. А я... я просто замкнулась. Упивалась собственной болью, жалела себя, жила воспоминаниями.

Анна сжала руки подруги крепче.

– Я так много хочу тебе ещё рассказать. Ты важна для меня. И я обещаю: я постараюсь... перестать думать о нём. Постепенно. И ещё – я обещаю быть лучшей подругой. Интересоваться тобой. Твоей жизнью. Хочешь – в понедельник снова сходим сюда? Особенно если с этим бариста у тебя что-

то получится?

Она подмигнула Мари, и украдкой взглянула на стойку. Мари рассмеялась. И без слов обняла Анну. Тёпло. По-настоящему. Впервые за десять лет между ними возникло настоящее облегчение. Как будто что-то, что долго мешало дышать – исчезло. Может, эта кофейня и правда творит чудеса?

Допив кофе, они вышли. Солнце вдруг стало ярче. Толпа – уже не казалась давящей. Они шли, как в невидимом коконе: их чувства, их мысли, их разговор держал их в пространстве, где было тихо, несмотря на шум. И там – они наконец были не одни.

Оставшаяся часть рабочего дня прошла спокойно. Без происшествий, без суеты. Столы Мари и Анны стояли почти рядом – так, что можно было легко перекинуться взглядом, улыбкой или едва заметным жестом. Появилась лёгкость, исчезла привычная напряжённость. Мир будто стал чуть тише, но теплее.

Под вечер Мари наклонилась к Анне и, улыбаясь, прошептала:

– А что если провести вечер у меня? Чашка чая, что-нибудь вкусненькое и... Романтика. Вечер кино. Может, пересмотрим «Титаник»?

Анна закатила глаза – но уже с той самой улыбкой, которая давно не навещала её губы.

2 глава. Первая встреча

Рабочая неделя пролетела стремительно. В воздухе уже чувствовалась суббота – лёгкая, обещающая, чуть расслабленная. Анна проснулась рано. Сделала зарядку, заварила травяной чай, проверила список дел. Сегодня к ней приезжали родители и бабушка. Нужно было многое успеть: купить продукты, привести квартиру в порядок – и, по возможности, навести порядок в голове.

Каждый их приезд был для неё праздником. Тёплый семейный стол, неспешные разговоры, чай в фарфоровых чашках – всё это придавало ей силы и напоминало, ради чего стоит жить.

В торговый центр Анна шла с твёрдым намерением всё купить по списку. Но, как обычно, уже у входа начала рыться в сумочке.

– Где же этот список? Я точно его положила... Ладно. Придётся по памяти. Молоко... точно было молоко. И что-то из овощей. Начну с молока.

Она направилась в молочный отдел, но, как только вошла, остановилась.

У прилавка стояла пожилая женщина. Она держала в руках бутылку молока и тихо что-то бормотала. Анна подошла ближе. Бабушка пыталась вспомнить дату, пересчитывая про себя дни недели или числа на календаре. Лицо её было доб-

рое, но растерянное.

– Девушка, вы не могли бы мне помочь? – пожилая женщина с тревогой посмотрела на Анну.

– Я всё никак не могу вспомнить... Сегодня ведь четырнадцатое число?

– Да, вы всё правильно помните. Сегодня четырнадцатое, – с улыбкой кивнула Анна.

– А молоко, что у вас в руках, годно до шестнадцатого – так что смело берите. Но если хотите, я могу достать вам с верхней полки – там обычно самое свежее, они всегда кладут свежее повыше.

Анна достала бутылку с верхней полки и покрутила в руке, чуть лукаво улыбаясь.

– Вот ведь мошенники! – всплеснула руками бабуля. – Всё получше повыше прячут! А что побыстрее спихнуть – поближе к носу кладут. В прошлый раз у них молоко взяла – так оно, прости Господи, прокисло! А дата – как у новенького! Думают, управы на них нет. Я им покажу. Проверю дома – если обманули, устрою им разнос!

Бабушка оживилась, чуть запыхавшись от собственных эмоций.

– Спасибо вам, девушка. Такая вы хорошенькая... Хочу пожелать вам всех благ, мужа хорошего. И деток побольше! Детки – наше всё. Вот и я... внукам блинов хочу напечь. А мука-то, мука нынче как золото...

Слова сыпались, как из рога изобилия. Анна слушала и

не всё успевала уловить – мысли бабушки мчались в разные стороны, как ветер в поле. Но среди этой путаницы была одна фраза, за которую её сердце зацепилось: «Детки – наше всё». И почему-то именно эти слова остались с ней дольше всего.

Походы по магазинам всегда приносили Анне особенное удовольствие. Потерянный список продуктов даже радовал: он давал ей повод не спешить, пройтись вдоль полок, изучить новинки, выбрать самый сочный и ароматный киви. Прогулка среди товаров казалась ей чем-то медитативным.

– Простите, девушка... кажется, это вы обронили, – рядом появился охранник и протянул ей смятый листок.

– Благодарю вас, – улыбнулась Анна. – Я всё утро пыталась его найти, потом решила идти наугад... Но со списком, конечно, будет проще.

Она протянула руку, чтобы взять бумажку – и в этот момент охранник чуть наклонился вперёд:

– Вас ведь Анна зовут, да? Я вас часто вижу здесь... в нашем супермаркете. Однажды вы приходили с бабушкой. Вы тогда так улыбались. Знаете... у нас редко бывают по-настоящему счастливые покупатели. Но вы – были. И я это заметил.

Он на мгновение замолчал, будто не знал, стоит ли продолжать.

– Эм... меня зовут Андрей. Если что – обращайтесь. Если с верхней полки что-то нужно достать... или вдруг, не дай Бог, кто-нибудь из сумки что-то украдёт. Хотя что я гово-

рю... извините.

Он неловко вручил ей список, и на его лице выступил румянец. В глазах Андрея читалась внутренняя борьба – ему совсем не хотелось заканчивать разговор. Он всё ещё смотрел на Анну – будто ища слова, чтобы задержаться хотя бы на минуту дольше.

– Андрей, очень приятно, – Анна улыбнулась, чуть склонив голову. – Да, я действительно часто захожу в этот супермаркет. Если моё присутствие доставляет вам неудобства, я, конечно, могу сменить локацию для своих прогулок душевного покоя.

Она сделала паузу и, заглянув ему в глаза, добавила с лукавинкой:

– Не думайте, что я не заметила ваше смущение. Простите... дразню вас. Просто... вы заставили меня улыбнуться. И, честно – даже почувствовать лёгкий дискомфорт. А это удаётся далеко не каждому.

Анна вдруг почувствовала, как в ней что-то потеплело. Словно груз, который она несла так долго, отступил. Пусть ненадолго – но отступил. Кто бы мог подумать, что простой разговор с охранником в супермаркете способен вдохнуть жизнь в уставшую, израненную душу?

– Не смею вас дольше отвлекать, – улыбнулся Андрей. – Наслаждайтесь гармонией и... разнообразием товаров на полках. Кстати, сегодня во втором отделе новую химию завезли. Может, что-то заинтересует.

Он вежливо отступил в сторону, давая ей пройти. Не стал настаивать или стал задавать лишних вопросов. Но в его взгляде было что-то – тонкое, человеческое, понимающее.

Анна, кивнув, направилась дальше и, действительно, заглянула в отдел бытовой химии. Среди прочего её взгляд упал на спрей для укладки волос. Не раздумывая, она положила его в корзину. Именно этот – тот, о котором бабушка упоминала на прошлой неделе. Анна захотела порадовать её. Показать, что слышит, что помнит, учится быть чуть внимательнее не только к другим, но и к себе.

Резво ворвавшись домой с тяжёлыми пакетами, Анна первым делом набрала номер Мари. Её буквально переполняли эмоции – хотелось поделиться, выговориться, передать всё, до последней детали: запах кофе, интонации, смущённый взгляд. Слова срывались с губ быстро, прерываясь и наслаиваясь друг на друга.

Впервые за десять лет – десять лет разочарований, одиночества, карьерной гонки – Анна почувствовала что-то новое. Интерес. Волнение. Трепет. Разговор в супермаркете, такой простой и, казалось бы, незначительный, оставил в ней ощущение знака. Надежды. Как будто после долгих лет внутреннего раскаяния, за что – она и сама толком не знала, – ей дали шанс. На прощение. На свет. Она говорила и говорила – не замечая, как летит время. До приезда родных оставался всего час.

Квартира сияла как никогда. Окна, не выдавшие тряпки

полгода, блестели. Стол ломился от деликатесов, салатов, горячих закусок. Анна надела своё лучшее платье – то самое, что хранила «на случай особого настроения» – и, затаив дыхание, подошла к окну. Не прошло и получаса, как на парковке показался старый добрый «мерседес». Сердце Анны дрогнуло.

– Они приехали! – выдохнула она, и со всех ног бросилась вниз.

Она бежала так стремительно, что едва не подвернула ногу. Но это уже было не важно. Главное – они здесь.

– Ты так ногу сломаешь! – всплеснула руками Вера Геннадьевна. – Совсем себя не бережёшь. Думаешь, мы бы не нашли твою квартиру? Я так по тебе скучала, дорогая...

Бабушка Анны была женщиной с большим сердцем и тихим достоинством. Хотя она была уже в возрасте, её изящество не тускнело с годами. Вера Геннадьевна всегда говорила: настоящая красота идёт изнутри. Если ты в ладу с собой – лицо светится, морщины стираются, и даже кожа будто вспоминает, какой была в юности. Может, именно этот взгляд на мир и был её эликсиром молодости.

– Бабуль, я так соскучилась! Как вы добрались? Я купила тот спрей для укладки, помнишь, ты советовала. Как тебе? – Анна сделала оборот на каблуках и расправила плечи. Они обнялись – крепко, по-настоящему – и неспешно пошли к подъезду.

– Дорогая моя, у меня к тебе есть парочка идей. – Бабуш-

ка взяла Анну под руку. – Я тут полистала пару глянцевого журналов... Думаю, нам стоит вместе пройтись по магазинам. Обновим гардероб, сменим причёску. Освежим жизнь, как говорится.

Анна улыбнулась. Этот вечер точно стоило отнести к ряду особенных, тех, что остаются в сердце.

3 глава. Пойдём на свидание?

Небо медленно заволокли свинцовые, тяжёлые тучи. По мшистым крышам застучали первые дождевики – будто кто-то наигрывал ноты на старом, запылённом рояле. Вчера сиявшие окна офисов, отмытые старательной уборщицей, вновь покрылись дождевой пеной и уличной пылью. Проливной дождь не щадил никого – даже самый крепкий зонт лишь на пару шагов отодвигал мокрую судьбу. Прогноз обещал солнце. Но небо, как и душа, выбрало иначе.

Анна смотрела на запотевшее стекло, за которым город растворялся в каплях. В голове всплывали странные, почти детские мысли: *А если дождь – это наказание за человеческую глупость? А если небо устало быть милостивым? Или, может, облака плачут – глядя на людские страдания?*

– Ты не моргаешь, Ан, – Мари остановилась у её стола. – У тебя там кино через окно показывают? Или, может, в этих каплях кроется тайна вселенной?

Анна не ответила. Только медленно выдохнула, не отрывая взгляда от стекла.

– Вот блин... – Мари закатила глаза. – Я же говорила уборщице, что будет ливень! Но кто ж меня слушает.

Она замерла, потом уселась рядом, сложив руки на груди.

– Надеюсь, ты помнишь своё обещание? Сегодня в обед – в кофейню. Да-да, тот самый бариста! Я позвонила ему –

мы вчера пили чай. И вот сюрприз: он не пьёт кофе. Совсем! Только чай. Ты можешь в это поверить? Работает в кофейне – и при этом абсолютно спокоен. Излучает такую гармонию, что я аж нервничала.

Но Анна всё так же молчала. Мари замерла. Скрестила руки. Постучала каблуком.

– Ну серьёзно, Ан. Я тут одна, что ли? Я, наконец, пришла на работу вовремя!! Да, на улице мрачно, людей нет. Но это не повод сидеть, как статуя, и делать вид, что меня не существует...

– Мари, уверяю тебя, я прекрасно видела, как ты вошла. Даже самый рассеянный не мог бы не заметить: ты буквально ворвалась – возбуждённая, промокшая, в поисках обогревателя.

Анна взглянула на подругу с лёгкой усмешкой.

– Я правда рада, что ты встретилась с тем бариста. И, полагаю, сегодняшняя встреча уже пройдёт спокойнее. Без лишнего волнения. А насчёт чая... если ты позволишь, я бы купила ему коробочку китайского. Всё равно собиралась в супермаркет.

Она окинула Мари внимательным взглядом – с головы до ног, задержавшись на подоле шифонового платья. Ткань потемнела от дождя, но и в этом виде оно смотрелось элегантно. Анна на мгновение пожалела, что её гардероб не включает ничего подобного.

– Прекрати дразнить, – фыркнула Мари. – Сегодня ты са-

ма как будто не своя.

Она прищурилась:

– Или мне напомнить про рыцаря в доспехах, охраняющего твоё спокойствие и полки с бытовой химией? Ты ведь как раз сейчас стояла у окна и мечтала о нём, верно?

Мари подошла ближе, опёрлась ладонями о стол.

– А что если я сейчас позвоню в супермаркет и попрошу его номер? Ты же не собираешься тянуть ещё лет пятьдесят, правда? Зачем томить беднягу, если всё можно решить здесь и сейчас?

В её глазах зажглось озорство. Но за ним скрывалась искренняя надежда. Мари хотела одного – чтобы подруга снова почувствовала вкус жизни. Пусть даже через глупый дождь и случайного охранника.

– Что ты говоришь? – Анна нервно засмеялась, пытаясь отогнать назойливую мысль.

– Мне не пять лет, между прочим. Я и сама могу всё организовать: и звонок, и поход в магазин. И, если что, даже записаться к врачу – без чьей-либо помощи. Так что... будь осторожна. Ты не знаешь, с кем связалась.

На лице Анны была улыбка, но внутри пробежала дрожь. Сердце забилось чаще, горло пересохло, мысли спутались. Она молча поднялась со своего места и направилась к кулеру – прочь от взгляда подруги и разговоров, в которых звучало слишком много правды.

– Мне нравится твой тон, – Мари прищурилась, сдержи-

вая торжество.

– Что ж, я жду. Жду звонка. Докажи, что ты взрослая и самостоятельная. Но учти: у тебя есть ровно полчаса на подготовку. Если к тому времени ты не наберёшь его номер – я сама позвоню. И скажу, что ты трусишка. Взрослая, но трусливая!

С этими словами она грациозно вернулась на своё место. Села, скрестила ноги и начала наблюдать за Анной, не скрывая веселья. Победа. Безоговорочная. Сокрушительная. Мари хотела отпраздновать её тихо – где-то в глубине души, но тараканы в её голове устроили настоящий карнавал, и скрыть его от окружающих было уже невозможно.

Посчитав до десяти и трижды глубоко вздохнув, Анна всё же набрала номер супермаркета. Она прекрасно понимала, что так не делают. Ни один нормальный человек – даже в состоянии бурной влюблённости – не стал бы звонить на общий номер магазина, чтобы поговорить с охранником. Но спор с Мари способен был вытолкнуть её на самые абсурдные подвиги.

Один гудок. Второй. Третий... Тишина. Анна тут же сбросила вызов. Зависнуть на линии и не знать, что сказать, – последнее, чего ей хотелось. Отложив телефон в сторону, она обернулась к подруге:

– Я же говорила. Они не ответят. Скорее всего, этот номер вообще не работает. Может, ты права – стоит зайти туда лично. В обед. Просто... поговорить. Мне правда пора сде-

лать первый шаг. Хотя... я же обещала пойти с тобой в кофейню. Не могу же я тебя подвести.

Анна пожала плечами и глубоко вздохнула. Сделала пару глотков ледяной воды из кулера – будто гасила пожар внутри – и вернулась к рабочему столу. Впрочем, в ближайшем будущем она не собиралась идти в тот супермаркет. И встреча Мари с бариста была как нельзя кстати – отличный повод избежать собственных шагов навстречу судьбе.

– О, Ан, – с притворным величием воскликнула Мари, – я отпускаю тебя с чистым сердцем. Как я могу ставить своё счастье выше твоего? Я тебя благословляю. Ступай! Смело иди навстречу любви!

Она смотрела на Анну, как пантера, уверенная в том, что дичь уже не уйдёт. Тараканы в её голове устроили настоящий бунт. Обещания, намёки, отговорки – уже не работали. Мари требовала действий. Если Анна не решится сама, Мари непременно притащит её туда за руку. А это, как знала Анна, было бы худшим из двух зол.

Вооружившись зонтом в голубой цветочек и надев, кстати очень кстати, тёмно-синие резиновые сапоги, Анна мчалась навстречу неизведанному. От офиса до супермаркета было всего три минуты пешком – этого вполне хватало, чтобы в ясный день купить сэндвич с копчёной курицей и спокойно съесть его в ближайшем безлюдном парке, наблюдая, как лебеди плещутся в заброшенном озере.

Сегодня был не ясный день. Но настроение – такое же

светлое. Анна влетела в супермаркет словно ураган – и чуть не сбила с ног Андрея. Тот, пользуясь отсутствием покупателей, стоял у самого входа, наблюдая за дождём через автоматические двери. Он любил осенние ливни. В них было что-то очищающее. Словно вода смывала прошлое, а ветер приносил что-то новое – свежее, неведомое.

– Простите! – воскликнула Анна, чуть запыхавшись. – Я вас совсем не заметила. Я так торопилась... чуть не убила вас этим зонтом. Просто... этот дождь. Он действует на меня странно. Я теряюсь – между каплями, в громе, в ветре. Как будто ухожу внутрь себя.

Она робко взглянула на него. Интересно... есть ли у неё теперь шанс на свидание после такого нападения?

– Всё в порядке, – спокойно ответил Андрей. – Это я виноват. Не стоило мне загораживать проход. Вы не совершили преступления, честно. Если кто и должен просить прощения – то это я.

Он сделал шаг назад – на безопасное от зонта расстояние – и с лёгкой улыбкой добавил:

– А может... я мог бы искупить свою вину чашкой горячего чая? Что скажете?

– О! Я как раз мчалась к вам, чтобы... ну, предложить то же самое, – выпалила Анна, продолжая махать зонтом из стороны в сторону.

– То есть, не извинения. Вернее... я не хотела, чтобы вы извинялись. Я... я просто подумала – может, вы захотите

прогуляться со мной? Или выпить чаю? Или... просто пройтись по парку. Хотя... звучит глупо. Как будто я уже всё за вас решила. Нет, нет – только предложить! А выбор, конечно, за вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.